

**ВНЕ
ЗАКОНА**

**Андрей
Троицкий**

**Его подставили –
он хочет мстить**

**КАПКАН
ДЛЯ ЧЕСТНОГО ЛОХА**

ЭКСМО

Андрей Троицкий

Капкан на честного лоха

«Автор»

Троицкий А. Б.

Капкан на честного лоха / А. Б. Троицкий — «Автор»,

Чья дьявольская интрига привела его на зону, бизнесмен Дмитрий Климов понял не сразу. Проснувшись утром в номере гостиницы, он увидел рядом окровавленный труп девушки. Убийство повесили на него. Теперь-то он знает, что это сделали его компаньоны. Но из лагеря до них не дотянуться. Значит - побег. Километры и километры по тундре с погоней, дышащей в затылок. Но впереди у Дмитрия такая сладкая цель - месть...

© Троицкий А. Б.

© Автор

Содержание

Часть первая: Побег	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	22
Глава четвертая	30
Глава пятая	38
Глава шестая	46
Глава седьмая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей Троицкий

Капкан на честного лоха

Часть первая: Побег

Глава первая

– Побег, – кто-то тормозил Соболева за плечо. – Побег...

Начальник колонии строгого режима Павел Сергеевич Соболев проснулся, сел на жестком диване, помотал головой, стряхивая с себя клочья дремоты. В домашнем кабинете, где он вечером засиделся над бумагами, да так и остался на ночь, горел верхний свет. У изголовья дивана стоял ближайший подчиненный полковника, заместитель начальника колонии по режиму, для краткости прозванный кумом, майор Борис Иванович Ткаченко. Кажется, это он теребил Соболева во сне. Павел Сергеевич глянул на будильник: без десяти четыре утра.

Побег... Ясно, иначе кум не появился бы сюда в такое время, не осмелился разбудить начальника колонии. За окном стояли белесые сумерки, белые ночи, воспетые лирическими поэтами, на взгляд Соболева, дармоедами и бездельниками, не жившими в суровом климате, на высоких широтах.

– Ну? – спросил Соболев, нащупывая босыми ногами шлепанцы.

– Пять заключенных бежали ночью из медсанчасти. Это случилось где-то между двенадцатью и часом ночи. Погоня организована...

Соболев не дал куму договорить, матерно выругался. Темные усы Ткаченко обвисли, уголки губ опустились, глаза светились тусклым блеском, словно у дохлой рыбы. Кум хотел показать всем своим видом, что вину свою сознает, но сделает все, чтобы поправить положение.

Павел Сергеевич встал и как был в трусах и в майке отправился умываться. В коридоре он наскочил на жену, Веру Николаевну, безмолвно стоявшую у стены.

– Иди ложись, – сказал Соболев. – Что ты тут, честное слово...

– Паша, что случилось? – жена склонила голову набок.

– Тихо, детей разбудишь, – Павел Сергеевич приложил палец к губам. – Ничего не случилось, пустяки.

Он хотел сказать жене какие-то хорошие, ободряющие слова, но в голову лезли одни грубости, матерная ругань. В ванной комнате он почистил зубы, поскреб бритвой щеки и подбородок. Павел Сергеевич был так зол на Ткаченко, что до крови оцарапал бритвой подбородок. Наступил май, и вот на тебе, побег в составе группы. Зимой случаев не было, обошлось без неожиданностей, как всегда. Потому как известно – не такие уж дураки эки, зимой не бегают. А если и бегают, то не далеко. Тут зимой куда не рванешь – снега по пояс, а то и по горло. Дуют ледяные северные ветры, сутками метет пурга. Зимний побег – это самоубийство, верная смерть. Да, Республика Коми это вам не Краснодарский край. А дороги перекрыты, деваться эзку некуда, только замерзать в чистом поле.

Головная боль для начальника ИТК начинается поздней весной или ранним летом. Когда снег превратился в воду, но ещё не растаяли непроходимые болота, которыми зона окружена со всех сторон. Когда приходят эти проклятые белые ночи – жди беды. Соболев прошел на кухню, под ногами скрипели крашенные доски пола. Он встал у стола, просунул большой палец в ручку фарфорового чайника, полного густой, черной, как деготь, заварки.

Присосавшись к носику, Павел Сергеевич неторопливо, глоток за глотком, втягивал в себя терпкую заварку и смотрел в окно.

Дом Соболева на взгорке, отсюда, из его кухни, мрачноватый пейзаж как на ладони. Фонари с отражателями и прожектора, укрепленные на столбах, ярко освещали территорию зоны в сумерках и по ночам. Глухой четырехметровый забор, увенчанный нитками колючки, рядом с забором – метровой глубины ров, заполненный талой водой.

Сторожевые вышки с внешней стороны забраны досками, чтобы дежуривших на них конвоиров зимой не продувал насквозь лютый ветер. И еще, чтобы солдаты не отвлекались, не пялились со своей высоты на жилой поселок, на прохожих баб, а наблюдали только за зоной, только за зэками. Соболев высосал из чайника всю заварку, вытер губы и, шаркая тапочками по полу, пошел обратно в кабинет, собираться.

* * *

Соболев протоптанной тропинкой шагал через овраг, через низину от своего дома к зонной вахте. Посередине пути он остановился, бросил взгляд за спину. В серых сумерках окна дома светились теплыми желтыми огнями.

Жена, встревоженная и расстроенная, уже не заснет. И дети, Сашка и Надя, наверное, проснулись, разбуженные топотом сапог в передней. А ведь им выпасться надо, сегодня в школу, у сына одиннадцатый выпускной класс... Соболев не довел мысль до конца, вздохнул и зашагал дальше.

Почтительно поотстав за полковником следовал Ткаченко, на ходу рассказывая обстоятельства преступления, которые удалось выяснить на данную минуту. Когда прошли вахту, очутившись на территории исправительно-трудовой колонии, свернули направо к двухэтажному административному корпусу, Соболев со слов кума уже знал о побеге все или почти все.

Зона видела последний сон, объявлять побудку прежде времени, устраивать переключку, не имело смысла. Бежали не из бараков, из медсанчасти, личности беглецов уже установлены.

В своем кабинете на втором этаже Соболев повесил шинель и фуражку на вешалку, занял место в кресле с гнутыми подлокотниками и мягким сидением. Высокую резную спинку кресла украшал вырезанный тоже из дерева орел, позолоченный, с двумя головами и растопыренными когтистыми лапами. Про себя хозяин в зависимости от градуса настроения именовал орла, то символом обновленной России, то вареным петухом, то чертовым мутантом.

Кресло не нравилось Соболеву. Помпезное и безвкусное, напоминавшее то ли королевский трон, то ли место председателя суда присяжных. Его сделали заключенные краснодеревщики специально под хозяина, но не угодили, не потрафили его вкусу.

Ткаченко заскрипел стулом, забросив ногу на ногу, завел рассказ по новому кругу. Соболев слушал в пол-уха. В его сердце засела не то чтобы не злость или не обида, обижаться на беглых зэков все равно, что обижаться на лесных волков, человеческие чувства им не доступны... В сердце угнездилась какая-то незнакомая космическая темнота и безысходная необъяснимая тоска.

Отличие от многих других начальников исправительных колоний Соболев не считал себя плохим хозяином. Он не «давил» ни зону, ни контролеров, как давят другие. Не вешал десять суток БУРа за то, что на нарах мужика косо висит табличка с фамилией и номером, за рисованные самодельные карты, за порченные на бушлаты или другую мелочь.

Не замечал, когда блатную работу, хлебобреззов, поваров, библиотекарей, бугров, санитаров, зэки получали за взятки, которые передавали низовым работникам администрации. Так уж пошло на всех зонах, ничего с этой раковой опухолью не сделаешь, потому что

хорошо жить всем хочется. Но за серьезные провинности, за злостное нарушение режима, Соболев карал беспощадно, даже жестоко.

Хозяин знал, что зоной правили воры старой формации, молодые беспредельщики поджимали хвосты, быстро забывали здесь вольные замашки, и вообще не поднимались выше шестерок или быков. Колонию «грели» московские авторитеты, здесь ходили деньги, большие деньги, что строжайше запрещено всеми уставами.

Соболев был хорошо осведомлен обо всем, что происходило в его царстве, но смотрел на устоявшиеся порядки сквозь пальцы, предпочитая не тревожить поганый муравейник, не допускать предел власти, раз и навсегда решив: пусть уж лучше зону держат «законники», чем бандиты. Возможно, последние побеги и есть наказание за его либерализм.

– Итак, установлено, что на окраине поселка стоял «газик», – подвел итог Ткаченко. – Кто-то из вольных пособничал беглецам. Всю эту музыку заказал и проплатил.

Ткаченко разложил на столе хозяина военную карту, склонившись над ней, стал водить указательным пальцем по бумаге.

– Дернули они на север, – продолжал кум. – Это для того, чтобы пустить погоню по ложному следу. Так или иначе, дороги уже перекрыты здесь и здесь. Маловероятно, что машина уже проскочила эти участки. Хотя как знать. Но им все равно далеко не уйти. Думаю, они сделают крюк, но скоро бросят «газик». И пешком или на попутках повернут на юг, к железной дороге. Попытаются уйти на товарняке. Пути на запад, на восток или на север у них нет. Там лесотундра, гиблые места. Единственный вариант – пробираться на юг, к железке.

Соболев даже слушать не стал, вытащил из ящика стола план зоны, развернул его.

– Кто стоял на этой вышке?

– Сержант второго года службы Балабанов.

– Взять под стражу. Даже слепой инвалид не мог проморгать, если перед самым его носом режут проволоку, пересекают предзонник, лезут через забор пять рыл. Такого ещё не было...

– Балабанов арестован. Его допрашивает в оперчасти капитан Аксаев. Балабанов расскажет все. И пойдет под трибунал.

– Какие предложения?

– Сегодня не выводить никого на работы, чтобы не ставить охрану на производственную зону. Бросить солдат на прочесывание местности вокруг колонии. Не исключено, не все беглые зэки сели в ту машину.

– Добро, – согласился Соболев. – Можешь идти. Скажи, чтобы из оперчасти принесли мне дела этих тварей.

Ткаченко встал, свернул карту и энергичной походкой, едва не чеканя шаг, вышел за дверь. Соболев остался один, затихли шаги в коридоре. Тишина, как на ночном кладбище. Слышно только, как под полом, между пустотами в перекрытиях, скребутся потревоженные человеческими шагами мыши.

* * *

Ткаченко спустился в подвальное помещение, прошел мимо охранников в дальний конец узкого сырого коридора, распахнул дверь комнаты для допросов. По ту сторону двери два солдата с автоматами, за столом посередине комнаты, под лампой друг против друга сидят капитан Аксаев и сержант Балабанов. Уже бывший сержант.

– Не вставайте, – скомандовал кум.

Остановившись у порога, Ткаченко скрестил руки на груди и, прищурившись от яркого света лампочки, стал внимательно разглядывать сержанта. Молодой парень, можно сказать,

жизнь впереди, до дембеля полгода с мелочью. И что его толкнуло на такой безрассудный отчаянный шаг, почему Балабанов пособничал в групповом побеге зэков?

Ведь мог бы подстрелить хотя бы одного из них, ну, хоть того, кто полз через запретку первым. И посыпались бы на молодую голову не оплеухи, не плевки, не зуботычины, а ценные жизненные блага. Десять суток отпуска, оплаченная поездка на родину. Обнял бы там мать, трахнул свою девку, а заодно уж её подружку. А вместо этого...

Дурак, перечеркнул жирной чертой всю свою молодость, а то и всю будущую жизнь. Видимо, парню пришлось по вкусу летние комары, зимние холода, всесезонные вши, жидкая зэковская баланда, что дают по будням и макароны и почерневшая картошка по государственным праздникам. Раз так, его место здесь, по эту сторону колючей проволоки. Трибунал повесит на Балабанова верных шесть лет лагерного срока.

Балабанов, сгорбившись над столом, медленно исписывал уже второй лист серой второсортной бумаги. Погоны уже сорвали с плеч бывшего сержанта, сняли ремень, отобрали личные вещи.

– Ну, как наши успехи? – весело спросил Ткаченко.

Он умел заражать своей бодростью скисающих от усталости подчиненных. Аксаев подскочил из-за стола так резко, будто ему в его тощий зад воткнули шило, вытянулся в струнку.

– Подозреваемый дает признательные показания, – рапортовал Аксаев, кося по сторонам узкими глазами азиата. – Установлено, что...

– Отлично, но об этом позже, я спешу, – оборвал Ткаченко. – Как только этот писатель закончит свой роман, живо ко мне с его писаниной.

Балабанов поднял голову и затравленно глазами покосился на Ткаченко. Кум увидел, что лицо сержанта разбито, синяки под двумя глазами, царапины на скуле, нос распух, сделался бордово-синим, съехал на сторону. Кровавые пятна и мелкие кровавые брызги на груди гимнастерки. И это только начало твоих мучений, сержант, это только ягодки.

* * *

Ткаченко повернулся, вышел в коридор, поднялся по каменной лестнице на первый этаж. Он открыл дверь кабинета и включил верхний свет, снял трубку телефона и приказал дежурному офицеру отнести дела беглецов хозяину, затем привести из шестнадцатого барака заключенного Милешина, затем доставить сюда Пьяных, вольнонаемного врача больницы, затем... Список был длинный и состоял почти из двух десятков фамилий.

Перво– наперво следовало проинструктировать тех оперативников, которым предстоит возглавить прочесывание местности вокруг зоны. Как только закончатся допросы, составить и разослать ориентировки на беглых преступников: по месту их жительства, по месту жительства родственников, любовниц, бывших жен, по месту совершения преступлений.

В ближайшие сутки на ноги будут подняты сотни и сотни знакомых и незнакомых Ткаченко людей: оперативная часть колонии, сотрудники уголовного розыска разных городов России, участковые инспектора, работники паспортно-визовой службы.

Дел впереди много, экскаватором не разгребешь. Но главное теперь – набраться терпения и ждать, когда найдется этот проклятый «газик», на котором сбежали зэки. А он обязательно найдется, деваться ему некуда, вслед высланы машины с оперативниками и собаками, дороги перекрыты, о побеге по рации извещены две геологические партии, работающие в районе, главы сельских населенных пунктов. От того места, где найдут машину, нужно будет плясать, как от печки.

Ткаченко, держа руки за спиной, прошелся по кабинету. В свое время он пытался создать в казенной комнате некое подобие домашнего уюта. Расставил на подоконники

горшки с цветочной рассадой, на высокую металлическую треногу установил круглый аквариум с рыбками.

Но вместо цветов из горшков выперли какие-то неряшливые лохматые сорняки, а нынешней зимой разноцветные рыбки издохли то ли от холода, то ли от неизвестной болезни. Остался лишь выводок неприхотливых гуппи. Ткаченко открыл жестяную банку из-под леденцов, взял щепотку сухого корма. Размельчив его в пальцах, сыпанул в аквариум. Сонные рыбки ожили, поднялись к поверхности, начали хватать корм.

В дверь постучал конвоир, подтолкнул в спину человека в лагерном бушлате.

– Заключение номер двадцать один ноль четыре, осужденный по статьям сто пятая часть вторая, сто десятой часть вторая, сто пятидесятая часть четвертая...

– Отставить, – скомандовал Ткаченко. – Садись, Милешин. Располагайся. И чувствуй себя, как у мамы дома.

Ткаченко не случайно помянул мать Милешина. Будучи последний раз на воле, любящий сын Милешин из-за пустякового замечания так избил старуху мать ногами, что та теперь не встает из инвалидной коляски. Милешин погладил ладонью голову, похожую на бильярдный шар, робко присел на краешек стула и уставил взгляд в пол. Ткаченко не торопился с вопросами.

Он распечатал пачку сигарет, достал из кармана зажигалку. Милешин «активист», нештатный осведомитель кума, мало того, он поддерживал товарищеские отношения с одним из беглецов Дмитрием Климовым, был его соседом по нарам. По всему видно, что побег хорошо подготовлен. Но как могло случиться, что Милешин не сообщил о готовящемся преступлении в оперативную часть?

– Твой сосед по нарам Климов? – спросил кум и доброжелательно улыбнулся, поощряя Милешина к откровенному разговору. – Он на верхнем ярусе спит, ты внизу, так?

– Так точно, гражданин начальник, – кивнул Милешин. – Только Климов пять дней как на больничку лег.

– Последнее время Климов не заводил подозрительных разговоров? Может, заикался насчет побега? Вообще как он себя вел?

Милешин выпучил глаза, прижал ладони к груди.

– Ни Боже мой, гражданин начальник. Если бы я услышал от него слово «побег», через полчаса на вашем столе лежало мое донесение. В письменном виде. А вел себя он нормально, как всегда. Ничего подозрительного. На работы, в вечернюю школу, затем отбой. Вот и день прошел.

– Так-таки и ничего подозрительного? Совсем ничего?

Милешин наморщил лоб, создавая видимость умственной работы.

– Разве что... Но это пустяки.

– Я сам решу, что пустяки, а что серьезное.

– Климов в ларьке купил два кило воблы. Я не крысятник, в чужие телевизоры не гляжу. Но, кажется, вобла лежала у него в телевизоре, а потом исчезла. Может, на промку перенес. И там спрятал.

Ткаченко задумался, пустил в потолок табачный дым.

– Ты сам воблу часто в ларьке покупаешь?

– Больно она дорога, не укупишь. Взял одну рыбку ещё в декабре. На Новый год угоститься.

– Ну вот, а Климов два кило купил. Целый сидор воблы. И тебя ничего не насторожило?

– Это я на подсосе сижу. Меня на воле никто не ждет, посылку собрать некому. Мать больная. А он мужик зажиточный. Может себе позволить по таким ценам брать воблу. С воли дачки идут, на личном эковском счете, говорят, большие деньги лежат. Тоже с воли.

– А тебя он воблой угостил?

– Нет. И сам вроде не ел.

– Вот она, дружба.

Ткаченко сочувственно закивал головой, улыбнулся в усы, бросил на стол раскрытую пачку сигарет «Ява».

– Кури, – разрешил он.

– Спасибо, гражданин начальник.

Милешин облизнулся, протянул руку к сигаретам. В это мгновение Ткаченко схватил пресс-папье, вырезанное из куска мрамора, с силой шарахнул Милешина по пальцам. Припечатал кисть к столу. Милешин, взыв от боли, отдернул руку, согнулся на стуле, пряча разбитую кисть между животом и бедрами.

Ткаченко вскочил со стула, в два прыжка обогнул стол, остановившись над эком, высоко занес кулак. И сильно съездил Милешина костяшками пальцев по незащищенному затылку.

– Ты, сволочь безрогая, не сообразил, для чего покупают два кило воблы?

Ткаченко ещё пару раз навернул Милешину по ушам, затем согнулся, и провел крюк в подбородок. Милешин откинулся на спинку стула, и получив ещё один удар в лицо, боком повалился на пол, ударился головой о чугунный радиатор отопления. Ткаченко пнул лежащего на полу человека носком сапога в спину. А затем неторопливо вернулся на свое место, вытянул ноги под столом и повесил на губу новую сигарету.

– Вставай, – сказал он. – Хватит притворяться. У меня тут не лазарет.

Милешин, морщась и постанывая, поднялся на ноги. В его глазах стояли слезы боли.

– Это тебе профилактика, – объяснил кум. – Чтобы умней, сука, был. А морду я тебе разбил для твоего же блага. Чтобы твои соседи по бараку не спрашивали, что за разговор состоялся у тебя с кумом. Чтобы плохого про тебя не подумали. Уяснил?

– Так точно, гражданин начальник.

Рукавом бушлата Милешин вытер бежавшие из носа кровавые сопли.

– Увести, – крикнул Ткаченко, так громко, чтобы услышал конвой за дверью.

* * *

Через четверть часа стул, освобожденный эком, занял врач Пьяных. За это время Ткаченко успел пробежать глазами медицинские карточки заключенных, бежавших из санчасти. Разумеется, в отличие от зэка Милешина, врач уже знал о побеге. Пьяных выразительно морщился, водил ладонью по седой гриве волос, теребил бородку клинышком, протирал очки и сокрушенно качал головой, словно принимал ЧП близко к сердцу, выражал искреннее сожаление по поводу случившегося.

– Извините, что потревожил вас. Но сами знаете...

Ткаченко улыбнулся через силу. Сейчас ему хотелось в кровь разбить морду Пьяных, а не вести с ним вежливые разговоры.

– Что вы, – Пьяных всплеснул дряблыми стариковскими руками, далеко вылезавшими из коротких рукавов пиджака. – Какие уж тут церемонии.

– Да уж, – кивнул Ткаченко. – Теперь нам не до церемоний.

– Кто бы мог подумать, – Пьяных нацепил очки в дешевой пластмассовой оправе, которые сидели на носу косо, и вообще портили благородное профессорское лицо. – Из санчасти ещё ни разу не бежали. А тут экая незадача.

Ткаченко про себя поправил врача. Из санчасти был побег в аккурат пять лет назад. Побег неудачный, разумеется, для двух зэков неудачный. Одного из них засекли с вышки и расстреляли из пулемета, когда тот полз по запретке. Другого пулеметная очередь достала,

когда он по раскладной самодельной лестнице взобрался уже на забор и, готовый перемахнуть на другую сторону, бросил телогрейку на колючку и занес ногу.

Но об этом случае Пьяных, видимо, ничего не знает. Сюда врач перевелся работать два с небольшим года назад из колонии, что где-то под Интой. Поговаривали, на прежнем месте у Пьяных были какие-то разногласия с тамошним хозяином.

– Я тут просмотрел карточки беглых эков, – сказал Ткаченко. – И захотел уточнить одну вещь. Вот тут вашей рукой написано, что у Климова диагноз – понос. Это как понимать? – В прямом смысле слова.

Пьяных гордо вскинул голову и удивленно вылупился на кума: неужели Ткаченко ставит под сомнение его диагноз?

– Так у него понос? – переспросил кум.

– Совершенно верно, у Климова понос.

Да, роскошный диагноз, – решил про себя Ткаченко. А курс лечения так просто потрясающий: двадцать один день Климов должен употреблять в пищу кисель и принимать теплые ванны. Потому видите ли, что инкубационный период дизентерии именно три недели. Разумеется, сейчас не проверишь, действительно ли Климов пропонулся в присутствии врача Пьяных, чем окончательно утвердил в нем подозрения в опасной болезни. По большому счету, это не имеет значения.

Ткаченко двадцать с гаком лет работает в исправительных учреждениях и тюрьмах и точно знает одну простую вещь: залечь в больничку простому работяге, у которого, может, тридцать хронических болезней и десять острых – дело почти нереальное. Даже к фельдшеру, к лепиле, не достучишься, не дозовешься его, пока не отбросишь копыта. Только тогда он и явиться, чтобы письменно засвидетельствовать смерть.

А уж чтобы тебя лично врач осмотрел, да ещё кисель прописал при поносе, ну, это даже не из области фантастики, из области сюрреализма.

Проще весь предзонник длиною в несколько километров на руках пройти под дулами автоматов и пулю не получить, чем выхлопотать койку в лечебнице, теплые ванны и кисель. Ясно, у Климова были наличные деньги, и врача он, выражаясь языком блатников, на лапу склеил. Разумеется, Ткаченко не может доказать факт получения взятки, а значит, обвинить Пьяных в пособничестве преступникам, пусть не сознательном, но пособничестве.

– Ну, а что с Урманцевым? – вежливо спросил Ткаченко. – Тоже понос?

– У него приступ язвенной болезни. Я боялся прободения двенадцатиперстной кишки. Там в карточках все записано.

Ткаченко подумал: лучше бы врачом на зоне был зэк, а не вольняшка. Врач зэк не имеет права давать освобождение от работ, помещать контингент на лечение в медсанчасть без согласования с ним, с кумом.

– Ах, да, да... В карточке, – Ткаченко кивнул головой.

Вот и поди, найди управу на Пьяных. Кум наделен здесь, на зоне, многими полномочиями, но вот набить морду этому старому козлу, раздолбать его мутное пенсне, чтобы стекла попали в глаза, не во власти Ткаченко. Жаль, но это так.

Пьяных вольнонаемный, то есть свободный человек, получающий зарплату от государства за свой труд, плюс, как и все вольняшки, пятидесяти процентную надбавку к окладу за работу не где-нибудь в детском саду, а на зоне. Плюс большие взятки от состоятельных эков, – мысленно добавил Ткаченко.

Кроме того, возможно, это главное: врач лечит хозяина и всю семью Соболева, жену и двух детей. У двенадцатилетней Нади, на которую хозяин дышит, не надышится, бронхиальная астма. А врач тут как тут со своими полезными советами, компрессами и народными снадобьями. Соболев очень хорошо отзывается о Пьяных, они без пяти минут друзья. Иногда в рабочем кабинете Соболева на пару пьют чай и разговаривают за жизнь.

Словом, врач – фигура неприкосновенная, вроде священной коровы.

Хорошо хоть сам Ткаченко не жалуется на здоровье. Не нужно лишний раз таскаться к этому коновалу мученику в медсанчасть, открывать рот и, высовывая язык, говорить: а-а-а-а.

– Не смею больше вас задерживать, – улыбнулся Ткаченко. – Спасибо за помощь. Большое спасибо.

Последние слова были полны яда, злости, издевательской иронии. Но врач, кажется, ничего не разобрал. Пьяных медленно поднялся со стула, на прощание потрянул седой гривой и, вскинув голову, покинул кабинет.

– Тварь какая, – прошептал Ткаченко.

Глава вторая

В этот день эков после подъема, переключки и завтрака не погнали на работы, а снова заперли в бараках. Соболев ждал известий и думал, что слухи о побеге уже расплозились по всей колонии, а заключенные сегодня чувствуют себя именинниками.

Всю первую половину дня Соболев читал донесения стукачей, знакомился с делами беглецов. Он надолго задумывался, разглядывая пустое голое пространство двора перед административным корпусом. Кажется, картина ночного происшествия начала понемногу вырисовываться. Однозначно, это не побег на рывок, не на удачу. По всей видимости, преступление хорошо спланировали и подготовили.

В медсанчасти на ночь остались запертыми пять эков. Двумя-тремя днями раньше кому-то из них удалось пронести из производственной зоны в жилую, а затем и в больничку пилку от ножовки и металлический штырь, именно эти предметы утром обнаружила во дворе охрана. Припасенным инструментом запертые эки продолбили торцевую стену медсанчасти, выходящую на помойку на задах столовой.

Пожалуй, ничего удивительного в том нет, что металлический штырь и зубило попали с промки в жилую зону. Ежедневно вахту минуют около трех тысяч эков, идущих на работу и обратно. Все проходят шмон, но запрещенные предметы, даже оружие, самодельные ножи и заточки, в жилую зону все равно проносят.

Не удивительно и то, что в торцевой стене медсанчасти, на вид толстой, массивной, проделали лаз. Большинство бараков сложены из силикатного кирпича, стоят на основательном глубоком фундаменте. Но барак медсанчасти построили в тысяча девятьсот лохматом году, стены сделаны из шлака и досок, которые внизу прогнили, все на соплях держится. Посильнее ткни в стену кулаком – получится дырка.

Словом, работы было немного. Выпилили небольшой деревянный квадрат под кроватью Климова такого размера, чтобы человек мог ползком проползти. Штырем раздолбили слежавшийся за долгие годы, смерзшийся шлак. С этим в две ночи управились. Перед утренней проверкой, сгребали выделанный шлак, засыпали на прежнее место, вставляли выпиленные доски в пазы. В самую последнюю очередь выпилили доски из наружной стены.

Выбираешься из барака наружу, а место глухое, закрыто от обзора с вышек мусорными баками и кучами гниющей ещё с прошлой осени свекольной и морковной ботвы. Оттуда до предзонника рукой подать. Порезали проволоку кусачками точно напротив сторожевой вышки, проползли пятнадцать метров запретки, забросили на забор веревочную лестницу с крюком.

В это время уже зажгли прожектора на вышках, да ещё белые ночи, светло, словно ясным днем. Побег происходил на глазах сержанта Балабанова, дежурящего в это время на крайней угловой вышке. Да эки особенно и не старались таиться, не вжимались в рыхлую, вспаханную землю, когда ползли через запретку, прицельно, не торопясь, забрасывали на забор крюк. Потому что Балабанов – свой, потому что ему заплачено. За услуги. Вот же сволочь, солдат...

Первый, кто влез по лестнице на забор, порезал продольные нитки проволоки кусачками, спрыгнул вниз с другой стороны. За ним последовали остальные. Веревочную лестницу охрана сняла с забора только утром. В том месте, где случился побег, забор жилой зоны граничит с зоной производственной, которая ночью не охраняется.

Утром, когда беглецов хватились, пустили по следам собаку, выяснилось, что на промке, на первом этаже недостроенного мебельного цеха, эки устроили тайник. Скорее всего, в нем прятали небогатый харч, купленный в ларьке, сушеные пайки хлеба. Дальше

маршрут беглецов прошел сквозь производственную зону, до дальнего забора. Там поставили друг на друга козлы, положили доски, перемахнули забор.

Следующие двести метров ползли на брюхе в сторону дальней поселковой окраины. Затем встали в полный рост и побежали.

Уже находясь вне поля зрения охраны, спокойно сели в «газик», кем-то оставленный за околицей поселка – и деру, уже на четырех колесах. Номер неизвестной машины, простоявший в непосредственной близости от зоны едва ли не целые сутки, как ни странно, никто не догадался записать или запомнить, хозяина никто не кинулся искать. Вот тебе и бдительность.

Развилки дорог на Ижму и Кедвавом перекрыли где-то в четыре тридцать утра. До этого времени, если в пути ничего не случилось с «газиком», беглецы запросто могли проскочить. Так что, следы их где-то потерялись. Временно потерялись, – утешил себя Соболев.

Пособник беглецов сержант Балабанов полностью изобличен и понесет наказание. Он недолго отпирался, утверждая, что во время дежурства его неожиданно сморил сон. Балабанов показывает, что вошел в сговор с неким мужчиной, который заплатил за то, чтобы сержант буквально на пять минут ночного дежурства потерял зрение и слух. Хорошо заплатил, Балабанов поднялся аж на пять штук зеленых. Деньги были переданы ему за сутки до побега, когда он находился в увольнении и отирался в жилом поселке.

Личность неизвестного мужчины установить не удалось. Со слов Балабанова составили его словесное описание, весьма расплывчатое. Возраст средний, рост средний, волосы с проседью, лобные залысины, особых примет не имеет, приезжий, как понял Балабанов, издалека. Людей подходящих под это описание и в поселке наберется добрых два десятка. Темнит сержант.

Но чутье и опыт подсказывали Соболеву, что этот мужик – фигура вполне реальная, не мифическая. В общую схему вписывается. Возможно, именно этот человек или его сообщник оставили за околицей «газик». Соболев пробежал глазами неровные строчки показаний Балабанова.

Сержант пишет, что не мог отказаться от огромной суммы, потому что мать его больна, ей нужна срочная операция в столичной клинике. Про мать и её болезнь, разумеется, вранье.

Такова уж поганая человеческая натура: прятать самые низменные мысли и поступки за красивые слова. В этот фантик завернута горькая пилюля правды. А правда в том, что Балабанов бескорыстно любит не мать, якобы смертельно больную, а зеленую капусту с портретами американских президентов. Не случайно он путается в дальнейших показаниях. То утверждает, что спрятал валюту в лесу, в дупле дерева и забыл место, где устроил тайник.

Позже меняет показания, утверждает, что собрал посылку на родину, сунул в картонный ящик пластиковый пакет с деньгами, герметично заклеенный утюгом. Посылку якобы отправил с почты вчерашним утром. Проверили, оказалось, Балабанов действительно отсылал в Брянскую область, по месту своей прописки, какую-то посылку с уведомлением. Как назло, эта чертова посылка ушла по месту назначения, вечером вчерашнего дня на Сосногорск отправили почтовую машину.

Ладно, с деньгами Балабанова оперативники разберутся. Нужно сосредоточиться непосредственно на побеге, на личностях беглецов.

* * *

К четырнадцати ноль никаких известий из оперчасти не поступило. Соболев, уставший ждать, надел шинель, отказался от казенного обеда и отправился перекусить к себе домой. Не хотелось разговаривать ни с кем из сослуживцев, отвечать на вопросы, скрывать свое поганое настроение. Но плохие известия разлетаются быстро.

Жена Вера Николаевна, разумеется, уже знала о ночном побеге все то, что знал её муж. Но не стала приставать с вопросами, просто поставила перед мужем тарелку огнедышащего борща. Соболев взял ложку и стал глотать борщ, даже не замечая его вкуса. На второе было вареное мясо с гречневой кашей.

Соболев быстро справился с едой, отложил вилку и печальными глазами стал смотреть через окно кухни на сотни раз виденную картину: вышки, глухой забор, проволоку. Тоска... Так ли много лет осталось ему, Соболеву, жить на этом свете? Неужели весь оставшийся отрезок жизни придется наблюдать все ту же опостылевшую картину?

Вера Николаевна словно прочитала мысли мужа.

– Когда ждешь комиссию из министерства юстиции?

– Через четыре дня придут, – без запинки ответил Соболев.

Вера Николаевна кивнула, но не удержалась от нового вопроса.

– И Крылов приедет? – спросила жена.

– Обязательно, – Павел Сергеевич взялся за ручку серебряного подстаканника, без всегдашнего удовольствия втянул в себя крепкий чай. – Куда же ему деваться?

До приезда комиссии он считал дни, лелеял в себе кое-какие надежды. Так было до сегодняшнего утра, до побега. Не без оснований Соболев рассчитывал получить повышение за безупречную работу, и, дай Бог, если лучшее сбудется, переехать с семейством в Москву.

Возглавлял комиссию Евгений Максимович Крылов, старый приятель Соболева, с которым тот свел знакомство ещё в молодости, во время учебы в Высшей школе МВД. Несколько месяцев назад в телефонном разговоре Крылов сказал, что в Москве рассматривают вопрос о переводе Соболева в министерское управление. Мол, ты свой срок на зоне отбарабанил, пора на спокойную солидную работу. Весной проверка в твоём хозяйстве, по её итогам, а итоги, несомненно, будут положительные, просто-таки блестящие, составят представление о переводе Соболева в Москву.

Видимо, сам Крылов замолвил за старого приятеля словечко перед начальством, да есть в Москве, у Соболева ещё пара влиятельных друзей. Но теперь вся эта чехарда с приемом комиссии совсем не ко времени. Лучше бы отложить это дело хоть на пару месяцев, но тут от Соболева ничего не зависит. Придется писать рапорт, как-то объяснять случившееся.

Вот если бы удалось найти хоть последних беглецов по горячим следам... Вот тогда надежды на перевод в Москву обретали некую основательность, правдоподобность. Павел Сергеевич встал из-за стола и пошел в прихожую, обуваться.

Вернувшись в свой кабинет, позвонил в оперчат, спросил, нет ли новостей. Но уже по голосу майора Ткаченко, по первым его словам понял: новостей нет, ни хороших, ни плохих. Чтобы отвлечься от дурных мыслей, Соболев постарался сосредоточиться на работе.

Итак, схема побега более или менее ясна, но личности беглецов вызывают вопросы. Тут ничего не клеится, не складывается.

Зэки не воле не были знакомы, на зоне никогда не поддерживали друг с другом отношений. Вопрос: когда же они вошли в сговор? Уже в медсанчасти? Отпадает. Ведь побег готовили загодя. Пронесли инструмент, устроили тайник на производственной зоне. А уж про тот «газик» и поминать не стоит.

* * *

Соболев стал листать дела, выписывая в блокнот фамилии и имена преступников, категорию их учета и время окончания лагерного срока. Первый – Хомяков Сергей Васильевич, кличка Хомяк. Рецидивист, имеет три судимости, обвиняется в разбое и грабежах, срок заканчивается через пять с половиной лет. От роду тридцать восемь. В медсанчасть попал, получив ножевое ранение в плечо.

Своего обидчика операм не называл, сказал только, что когда оклемается, сам его попишет. Впрочем, веры Хомяку нет, он из тех блатарей, кто сам себе глаз вытащит и на жопу натянет, лишь бы неделю в больничке отлежаться. Очевидно, ножевое ранение в плечо – не более чем членовредительство. И надо было мастырщика Хомяка запереть не в медсанчасти, а в холодном кандее суток на пятнадцать.

Лудник Георгий Афанасьевич, рецидивист, пять судимостей, кличка Морж. Обвиняется в грабеже и убийстве, сорок четыре года от роду, срок заканчивается через пять лет. По всей видимости, именно Хомяков и Лудник стали идейными вдохновителями и организаторами побега. Оба с ранней юности не вылезают из тюрем и лагерей, оба в авторитете, оба способны на решительные, отчаянные поступки.

Цыганков Павел Леонидович... Соболев отложил в сторону ручку, надо же Цыганков – его тезка. Этому обстоятельству Соболев почему-то удивился, долго тер переносицу пальцем, наконец, перевернув страницу блокнота, продолжил делать выписки. Кличка Цыганков – Джем, двадцать четыре года, рецидивист, первый раз судим за грабеж, отбывал срок в колонии для малолетних. Обвиняется в двойном убийстве. Срок заканчивается через двенадцать лет.

Этот Цыганков – личность хорошо знакомая. Несмотря на молодость, закоренелый преступник, злостный нарушитель лагерного режима, отрицала, не выходящий на работы.

Цыганков не вылезал из карцера или барака усиленного режима. Наконец, терпение Соболева кончилось. Из подобных Цыганкову отморозков, нарушителей составили этап, который на днях был направлен в крытую тюрьму под Воркутой. Цыганков прекрасно знал, какие прелести ждут его в воркутинской «крытке». В последний момент хитрый Джем сумел спрыгнуть с этапа.

В карцер, где сидел Цыганков, какой-то гад передал сигарету с фильтром. Хождение по зоне таких сигарет строго запрещено, они изымаются при досмотре посылок. Джем спокойно, себе в удовольствие скурил сигарету, поджег фильтр с одной стороны, прижал его каблуком к полу. Раздавленный оплавившийся фильтр затвердел, сделался острым, как бритва.

Этой штукой Цыганков продольно в двух местах разрезал себе живот, а затем вскрыл вены на руках. В карцере начался кипеш: заключенный покончил собой, испуганные контролеры метались по коридорам и орали: «врача, врача скорее». Цыганков тоже визжал, как свинья: «Я умою этот околоток кровью. Смотрите, суки, бобики драные, как я подыхаю».

Но Цыганков и не думал подышать. Он-то знал, что раны не опасны для жизни, крови из порезанных предплечий и живота выйдет немного, ну грамм сто тридцать. Кровь быстро запечется, станет свертываться.

Зато зрелище ещё то, не для слабонервных. Вот ты попробуй вскрыть вены, сидя в ванне, или, опустив разрезанные предплечья в тазик с теплой подсоленной водой. Да ещё в нагрузку перед тем, как залезть в воду, прими горсть снотворного. Вот это будет настоящее стопроцентное самоубийство.

Так или иначе, Цыганков добился своей цели – этап ушел без него. В день так называемого покушения на самоубийство с ним возился зонный врач Пьяных. На второй день из района вызвали хирурга. На третий день приехал психиатр, перед которым оклемавшийся Цыганков ломал комедию: плотнув хозяйственного мыла, пускал изо рта обильную пену, симулировал эпилептический припадок. Вместо крытой тюрьмы Цыганков получил чистую больничную койку в медсанчасти и усиленное питание в связи с кровопотерей.

Сволочь, пробы ставить негде на этом Цыганкове.

По наблюдениям Соболева те эски, кто окончательно решил свести счеты с жизнью, не вскрывают себе вены. Самоубийцы в девяноста случаях из ста вешаются, выбирая местом своей смерти сортир, подсобку каптерки или другое или какое-то уединенное помещение в производственной зоне.

С этой троицей все более или менее ясно. Но вот дальше – полный туман.

* * *

Урманцев Игорь Михайлович, сорок две года, рецидивист, четыре судимости. Кличка Солома. Отбывал срок за вооруженный налет на инкассаторскую машину, осуществлявшую перевозку денег.

Крови на Урманцеве нет. Следствием доказано, что двух инкассаторов убивал его поделщик. Но тут опять загвоздка, Урманцеву осталось сидеть одиннадцать месяцев. С чего бы вдруг Соломе уходить в бега, искать амнистии у зеленого прокурора? Мало того, последний год Урманцев был пропускником, то есть бесконвойным заключенным, без охраны ходившим на работу в жилой поселок. О такой жизни мечтали многие зэки. Бесконвойные не бегут.

Перед тем, как залечь в больницу с приступом язвенной болезни, Урманцев в подсобном хозяйстве при зоне чистил коровник и свинарник. На телеге, запряженной старым меринком Казанком, вывозил свиной и коровий навоз в поселок, на огороды жителей. Разбрасывал это добро поверх снега, чтобы с талой водой удобрение ушло в почву.

Здесьняя земля сплошной суглинок, холода. Если почву не удобрять, на огородах и лопухи не вырастут. Правда, и с навозом здесь ничего путного не росло, но это уже другой разговор.

Урманцев ежедневно имел с десятков возможностей бежать, но не воспользовался ни одной. Выбрал почему-то самую трудную и опасную стезю. Бежать непосредственно из зоны. Почему? Разумного ответа нет. Ведь за побег в составе группы к его оставшимся одиннадцати месяцам напаяют годков пять, а то и все восемь. Что же двигало Урманцевым? Решил другим зэкам компанию составить? Соболев усмехнулся. Шутки шутками, но разумного ответа нет.

Наконец, последний беглец.

Соболев выписал в блокнот: Климов Дмитрий Юрьевич. Тридцать восемь лет. Ранее не судим. Осужден на двенадцать лет за убийство женщины. До конца срока стало девять с половиной лет.

В прошлом столичный бизнесмен, на зоне мужик, клички не имеет. В лагере находится больше года. Сначала работал в тарном цехе, сколачивал ящики, но там у него не выходила норма. Он составил просьбу на имя начальника оперчасти, просил перевести его на строительные работы, поскольку знаком со специальностью каменщика. Ткаченко просьбу удовлетворил.

Поначалу Климов и там не тянул норму – одну целых две десятых кубометра кирпичной кладки за смену. Но постепенно набил руку, норма пошла. Бригадир каменщиков дал хороший отзыв о работе Климова.

Если бугор записывает на Климова один и два десятых кубометра кладки, значит, Климов выдавал не меньше, чем один и четыре. Это много. А разница приходилась на какого-нибудь авторитета, приписанного к бригаде, который належивал бока и плевал в потолок, пока мужики упирались.

Лагерного режима Климов не нарушал, даже на построение ни разу не опоздал, сигналов от стукачей на него не поступало. Поэтому как заключенный, прочно вставший на путь исправления, Климов получил за полгода два личника, два длительных свидания с женой. И вот на тебе, побег.

Климов обычный бытовик, он не имел ничего общего с уголовниками рецидивистами. По их понятиям Климов – ушастый фраер, порченный штымп. Такого персонажа, чуждого им по духу, по понятиям, блатные никогда бы не взяли с собой.

Впрочем, есть одно единственное объяснение того, как Климов попал в эту компанию. Фартовые навешали ему лапши на уши, а воздух близкой свободы ударил в голову, на самом же деле взяли Климова вместо коровы. Возможно, рецидивисты рассчитывали, что придется долго плутать по лесотундре, сутками обходиться без пищи. И когда станет совсем худо, можно зарезать Климова, разговестись его мясцом.

– А из него хорошая корова получится, – вслух выразил мысль Соболев.

Он долго разглядывал фотографию Климова, вклеенную в личное дело. Приятное лицо, нет болезненной худобы. Соболев поморщился, живо представляя сцену предстоящей расправы над Климовым, закопченный котелок над костром, а в нем кипящее варево из человечины.

Соболев закрыл дела заключенный, сложил их стопкой на краю стола, глянул на круглые настенные часы. Маленькая стрелка приближалась к пяти часам. Тут тренькнул телефон внутренней связи, Соболев сорвал трубку, не дожидаясь второго звонка. Голос майора Ткаченко звучал взволнованно.

– Только что со мной связался капитан Бойков. Так вот, дело какое...

Ткаченко задумался, не зная с чего начать.

– Ну, докладывай, не тяни нищего за нос, – Соболев встал с кресла.

– На въезде в поселок Молчан, это от нас приблизительно в ста пятидесяти километрах с мелочью на северо-запад, найден труп участкового инспектора Гаврилова, – отрапортовал Ткаченко. – Труп уже окоченел, видимо, убили его утром. Нанесли несколько ударов по голове тяжелым предметом. Сбросили тело в овраг, кое-как сверху закидали ветками. Поэтому обнаружили тело только сейчас, да и то случайно.

– Каким образом обнаружили?

– Солдат из кузова грузовика углядел ноги милиционера. Торчали из кучи хвороста. У Гаврилова похитили пистолет Макарова и документы.

– Думаешь, наши постарались?

– Однозначно, – подтвердил Ткаченко. – Есть показания местных жителей. Примерно в полдень по поселку проезжал газик защитного цвета, металлический верх. В машине несколько мужчин.

– Немедленно выезжай на место, – скомандовал Соболев. – Сам выезжай, понял? Собери группу поисковиков, возьми собаку, рацию.

– Слушаюсь.

Соболев неожиданно для себя заговорил с кумом не штампованными казенными фразами, а простыми человеческими словами.

– Боря, сообщай все новости, – сказал Соболев. – Радисту в оперчасть передавай. Сам знаешь, старик, нам до зарезу нужно их взять. Не живыми, так мертвыми. На носу эта комиссия из минюста, будь она неладна. Короче, на тебя вся надежда. И не жалея этих гадов. Добро?

– Эти не уйдут, – ответил Ткаченко.

* * *

Грузовик с военными вышел из ворот зоны ровно в семнадцать двадцать. Температура поднялась до пяти градусов тепла, теплынь установилась такая, что ныли ноги. Последний снег таял на обочинах, темнел на глазах, доживал последние дни в оврагах, грунтовые дороги превращались в жидкое месиво из грязи и воды.

Видавший виды грузовик, в кузове которого тряслись два прапорщика, радист, сержант срочник, и младший лейтенант, проводник собаки, то вползал в хилые северные лесочки, то с натужным ревом выбирался на открытое, ровное, как стол, пространство, тащился к своей

неблизкой цели. И хорошо ещё ни разу не застрял, не утонул в глубоких колеях. Кум, сидевший в пропахшей соляжкой кабине рядом с вцепившимся в баранку молодым водителем, смолит одну сигарету за другой.

Между перекурами Ткаченко вытаскивал из матерчатого чехла на ремне алюминиевую фляжку, сосал из горлышка воду, снова лез в карман пятнистого камуфляжного бушлата за сигаретами. Кум кашлял, сплевывал под ноги мокроту.

Тяжелая муторная дорога измотала Ткаченко. Он часто поглядывал на наручные часы «Ракета» на браслете из нержавеющей стали и тяжело вздыхал. Дважды дорога пересекла маленькие, утопающие в грязи, деревеньки. Но на улицах не встретился ни один прохожий, не блеснул в окнах свет лампы или телевизора. Не попалось ни одной встречной машины. Казалось, окрестные жители, взрослые, старики и дети навсегда ушли отсюда, ушли куда глаза глядят, на поиски лучшей доли, чтобы больше никогда не возвращаться.

Унылый постный пейзаж, худые заборы, некрашенные избы, сложенные из струганной ели, покосившиеся телеграфные столбы, навевали на Ткаченко мертвенную скуку, он давился зевотой и, чтобы не сморил сон, зажигал очередную сигарету. Зимой в это время суток здесь темнота, как в глубокой могиле, а сейчас с неба медленно спускались на землю светлые сумерки, белые ночи. Дорога уходила все дальше и дальше, то петляла, то шла напрямик, и, кажется, не собиралась заканчиваться.

Ткаченко прибыл на место, в поселок Молчан, гораздо позже, чем рассчитывал, лишь через три с половиной часа после телефонного разговора с Соболевым. Заброшенные дома на окраинах с крест на крест заколоченными окнами, единственная улица, где местами сохранились отрезки разбитого асфальта, говорили о том, что Молчан знал лучшие времена.

Раньше здесь помещались контора районной кооперации, где скупали пушнину у промысловиков, пункт по лесозаготовителям, лет пять кряду работала центральная база геологической станции. Но то ли не нашли нефть, то ли пушных зверей повыбивали по всей округе, то ли леса все повырубили, только геологи и заготовители подались на юг, в Пермскую область, а жизнь в поселке надолго замерла.

К единственному двухэтажному дому, где помещалась администрация поселка, подъехали как раз в тот момент, когда Ткаченко сладко задремал.

Согнав себя сон, кум распахнул дверцу и с подножки прыгнул на землю. За то время, что он находился в дороге, в Молчан прибыли из района следователь прокуратуры, юрист третьего класса Вадим Генкин, в прошлом году закончивший юридический факультет какого-то провинциального вуза. На той же машине приехали медицинский эксперт, фотограф и два милиционерских чина из управления внутренних дел.

Не дождавшись Ткаченко, Вадим Генкин дал команду собрать понятых на дальней окраине поселка, в том месте, где был убит инспектор Гаврилов. Но в том не было необходимости, поселковый народ, узнавший о гибели своего участкового, давно потянулся на место преступления. К тому моменту, когда туда прибыло районное начальство, все пространство вокруг трупа было вытоптано, какие-то доброхоты вытащили труп Гаврилова из-под маскировавшей его кучи лапника.

В ближнем овраге поселковые нашли и притащили на дорогу милицейский мотоцикл с коляской, неисправный, весь замаранный грязью. В итоге никаких следов преступников следователям обнаружить не удалось. Труп Гаврилова кое-как засунули на заднее сидение машины, перевезли его в здание поселковой администрации, в двух комнатах которого на первом этаже ютилось отделение милиции.

Там, в кабинете участкового, на письменном столе, обнаружили его неисправную рацию, извлекающую из эфира лишь змеиное шипение и потрескивание. Выходит, Гаврилов ничего не знал о побеге заключенных из колонии. Участковый не был настороже.

Гаврилова положили на письменный стол, раздели догола. Залитую кровью милицеевскую форму, портупею, ботинки и шапку, пропитанную кровью, сложили стопочкой на табурет. Фотограф сделал несколько снимков, судебный эксперт составил свое заключение, констатировал насильственную смерть от ударов тупым предметом по голове. В это время районные милиционеры опросили свидетелей, которые видели, как ранним Гаврилова утром.

Участковый, жена которого с детьми три года назад уехала к родственникам в Сыктывкар, да так там и осталась, жил один. Примерно в восемь утра он вывел мотоцикл из своего двора и отправился в Лезгино, деревню в пятнадцати километрах от Молчана. То была обычная плановая поездка участкового по вверенной ему территории, о чем свидетельствовала запись в блокноте Гаврилова. Кстати, в той же деревне жил какой-то дальний родственник участкового. Не исключено, что Гаврилов в его компании уже с утра опрокинул стопку самогонки.

Две местные бабы и мужичок, с раннего утра наливший глаза, утверждали, что видели, как приблизительно в двенадцать часов по полудню поселок проехал «газик» защитного цвета с железным верхом. Чужие машины сюда заворачивали не часто, одна из свидетельниц, бойкая баба средних лет, догадалась посмотреть на номер.

«Он весь был грязью забрызган, – сказала женщина следователю, когда тот сел в правлении, разложил на письменном столе бланки протоколов. – Но первые две цифры я углядела. Кажется, углядела». «И какие же это цифры?» – заинтересовался следователь. «Две восьмерки, вот какие».

«А, может, перепутала ты чего? – допытывался следователь. – Ты говоришь „кажется“, а тут точность нужна. Может, это были две тройки? Или тройка с восьмеркой?» «Может, и так, – тут же послушно согласилась баба, она немного робела перед районным милицеевским начальством. – Может, и тройка с восьмеркой. А может, две тройки».

«А если вспомнить поточнее?» – следователь потерял надежду точно узнать цифры. «А поточнее я вам уже сказала, – женщина уперла руки в бока. – Я видела две восьмерки в начале».

Следователь надолго задумался, что писать в протоколе. Вздохнул, перешел на «вы» и снова начала приставать с вопросами. «Понимаете, вы единственный ценный свидетель, вы одна видели эти номера, – сказал он. – Тут нужна точность. Тройка – это тройка, а восьмерка – это другое дело. Вспомните хорошенько: может, в номере шестерка стояла». «Может и стояла, – тут же согласилась баба. – Как пить дать стояла. Даже очень может быть. Но я видела восьмерки. Потому что не слепая».

Допрос свидетеля продолжался ещё более часа и вертелся вокруг двух чисел. В конце разговора следователь охрип и почувствовал во рту вместо языка неподатливый кусок резины. Зато достоверно установил, что номер машины начинался именно с двух восьмерок.

Собственно, на этом работа районных милиционеров и прокурора была завершена. На заднем дворе водители прогревали моторы двух «Нив», собиравшихся в обратную дорогу.

Ткаченко вошел в отделение милиции, когда в первой комнате милицеевские чины дописывали последнюю страничку протокола допроса свидетелей. А во второй комнате, не по годам старательный следователь прокуратуры Вадим Генкин в который раз рассматривал телесные повреждения, что убийца или убийцы нанесли участковому: запекшиеся потеки крови на лице, осколки желтоватой кости черепа, торчащие из черной раны, из-под коротких слипшихся волос.

Наконец, Генкин разогнулся, поздоровался за руку с Ткаченко и сделал вывод.

– Вот эти вертикальные потеки крови на лице, они говорят о том, что Гаврилов получил первый удар монтировкой по голове, но сразу не упал. Какое-то время он находился на ногах,

кровь хлынула из-под шапки, залила лицо. Он скинул шапку с головы. А потом получил второй и третий удары. Ребром монтировки. И только тогда упал.

– Логично, – согласился Ткаченко.

Он принял следователя прокуратуры под локоть, вывел на высокое крыльцо, пошептаться на свежем воздухе. Генкин подробно рассказал обо все, что удалось накопать следователям, пока Ткаченко находился в дороге. Единственная важная деталь, которую установило следствие: номер машины начинался с двух восьмерок.

– Паршивое дело, – подытожил Генкин.

– Паршивей некуда, – согласился Ткаченко. – Придется нам с солдатами здесь ночевать.

– А мы уезжаем, – сказал напоследок Генкин. – «Скорую», чтобы увезти труп в район, вызвали ещё днем. Может, застряли по дороге. Вы уж тогда проследите, товарищ майор...

– Прослежу, – кивнул Ткаченко.

Настроение окончательно испортилось, беглецов в Молчане нет. Преступники проехали поселок девять часов назад и не оставили здесь ничего кроме трупа участкового. И, судя по всему, давно находятся за пределами района. Остается ждать новых известий. Спустившись с крыльца, Ткаченко подошел к грузовику, открыл борт кузова и приказал подчиненным выгружаться.

Глава третья

Климов – единственный чужак среди блатных. Он сидел на заднем сидении крайним слева и в который раз переживал кошмар, случившийся сегодняшним поздним утром.

Все шло гладко, настолько гладко, что сердце млело, голова сладко кружилась, а вперед загадывать было страшно из суеверных соображений. Белой ночью отмахали не то, чтобы порядочно верст, по такой-то дороге из слабенькой машины много не выжмешь, но, кажется, следы запутали.

Несколько раз меняли направления, объехали стороной две деревни, попавшиеся на пути. Третью деревню, всего десяток дворов, рискнули проехать насквозь, по единственной улице, вдоль спящих домов. Пятый час утра, ни одна занавеска не дрогнула в окне, ни одна собака не залаяла. Дальше дорога пошла по болотистой низменности в серых островках снега, льда и бурых пятнах мерзлой земли. На горизонте ни леса, ни зарослей кустов.

Чтобы перекусить, машину не останавливали, пустили по кругу банку тушенки, затем другую, затем третью. Однообразный пейзаж, тягучая дорога убаюкали Климова, набившего живот. Повесив голову на грудь, он задремал. На смену лихорадочному возбуждению последних перед побегом дней, трех бессонных ночей, пришли сонливость и апатия, с которыми не было сил бороться.

Кажется, наступило позднее утро, когда проехали лес. «Газик» дернулся и замедлил ход. Климов поднял голову, открыл глаза. В эту минуту Урманцев остановил машину. Он уже переоделся в гражданскую одежду, утепленную куртку болотного цвета с воротником стоечкой, брюки и серую кепку. Авторитет Лудник по кличке Морж, сидевший на переднем сидении, облачился в синюю непромокаемую куртку с капюшоном. На голове кожаная кепка с ушами.

Зэкам, занимавшим заднее сидение, гражданской одежды не досталось. Они, как были, остались в заляпанных грязью казенных бушлатах и черных шапках из искусственного меха.

Климов не за секунду оценил ситуацию. Цыганков, сидевший рядом, больно толкнул его локтем в живот. Климов осмотрелся. Одиннадцать утра, машина только что начала выползать из низкорослого замороженного леса, впереди, на взгорке виднелись какие-то приземистые постройки, телеграфные столбы. Видимо, там стояла какая-то деревня или поселок.

А метрах в двадцати от капота маячила мужская фигура. Серый бушлат, меховая шапка на голове. Милиционер. Четыре мелких звездочки на погонах, капитан.

Господи, отмахать столько верст, уйти от возможной погони, и вот тебе подарок: первый человек, встреченный на дороге, оказался ментом. Теперь Климов разглядел впереди канареечный, желто-синий мотоцикл «Урал» с красной полосой на бензобаке и продольной надписью по этой полосе «милиция».

«Урал» стоял поперек дороги, преграждая путь. Лудник нагнулся, поднял лежавшую под сиденьем монтировку, сунул её под куртку. Цыганков снова толкнул Климова в бок, что-то горячо забормотал в самое ухо. Но Климов так разволновался, что не понял смысла слов.

Милиционер сделал несколько шагов к остановившейся машине. Он шел медленно, как-то неуверенно, глубоко увязая сапогами в жидкой глине. Климову показалось, милиционер, несмотря на ранний час, не совсем трезв. Лицо красное, на губах странная улыбка. Возможно, милиционер выехал на перехват беглых зэков. Чему уж тут улыбаться? И почему мент один?

Урманцев, сидевший за рулем, быстрее других разобрался в ситуации. Он что-то сказал Луднику, надвинул козырек кепки на лоб, распахнул дверцу, спрыгнул в жидкую грязь.

Лудник выбрался из машины вслед за Урманцевым, опустив левую руку в карман, придерживал под полую монтировку.

Урманцев и Лудник вышли на середину дороги, сделали несколько шагов навстречу менту.

«Что же делать?» – спросил Климов Цыганкова. «Сиди, не дергайся», – прошипел тот в ответ. Хомяков на другом краю сидения выругался. Высокого роста Урманцев встал между милиционером и «газиком». Встал так, чтобы своими плечами загородить менту обзор машины. Сбоку к милиционеру подошел Лудник.

Теперь стало ясно: одинокий милиционер на дороге – фигура случайная, здесь он застрял по вине случая. Видимо, о побеге он знать не знает.

Климов снял ушанку, вытер ладонью со лба холодный пот. Снова нацепив шапку на коротко стриженую голову, он продолжал вслушиваться в разговор, завязавшийся между милиционером и Урманцевым. Но так и не уловил смысла беседы, разобрав лишь отдельные слова: мотоцикл, геологи, вот несчастье... Цыганков сидел бледный, с окаменевшим от напряжения лицом.

Климов снова стал смотреть вперед себя, на дорогу.

Лудник неуклюже отступил в сторону, словно поскользнулся, шагнул за спину отвлеченного разговором с Урманцевым милиционера, вытащил из-под полы железяку. Климов увидел короткий взмах монтировки. Еще один взмах. Урманцев отступил в сторону, боясь, что кровавые брызги попадут на него.

Милиционер широко открыл рот, схватился за голову. Из-под шапки на лицо потоком хлынула кровь. Мент сбросил шапку с головы и опустился на колени. Его глаза выкатились из орбит. Лицо как-то мгновенно потеряло живые очертания, поплыло вниз, как кусок расплавленного сыра.

Оставшиеся в машине Цыганков, Климов и Хомяков выбрались наружу, когда все было кончено. Милиционер лежал посередине дороги и таращил в небо белые глаза. Из раскрытого рта бежал тонкий кровавый ручеек. «Ты и ты, – Лудник показал пальцем на Цыганкова и Климова. – Берите мотоцикл и катите к тому оврагу. Солома с Хомяком мента оттащат с дороги. Сейчас, я его пошманаю».

Лудник нагнулся к телу милиционера, расстегнул затертую кобуру. Повезло. Мент хранит здесь боевое оружие, а не соленый огурец. Лудник, кося глазом на Урманцева, проворно вытащил пистолет Макарова и снаряженную обойму, сунул пушку во внутренний карман куртки, затем стал лазить по карманам убитого. Пистолет – это дело, остальная добыча не то, чтобы богатая, но и брезговать ей нельзя. Удостоверение, тонкий побелевший на сгибах кожаный бумажник с мелкими деньгами, перочинный нож.

Когда «Урал» с коляской откатали в овраг, кое-как забросали сухими ветками тело милиционера, сброшенного в канаву, наступил полдень. Времени для того, чтобы возвращаться назад, к тому месту, где начинался лес, объезжать село по окольной дороге, уже не осталось. Погоня могла появиться в любую минуту. Пришлось дуть напрямик, через деревню.

На «газик» оглянулась прохожая баба, долго смотрела вслед машине, какой-то мужичок из-за забора с интересом глянул на проезжих. «Номера, – сказал Лудник. – Надо было грязью замазать». «Кому нужны эти номера?» – Урманцев прибавил хода. Климов не подавал голоса, не задал вопроса. Но по чужому разговору понял, что милиционер возвращался откуда-то издалека на своей таратайке, но мотоцикл заглох, не доехав полверсты до дома.

Мент был немного поддатый, благодушный, он не ждал плохого. Просил помочь откатить с дороги засевший в грязи мотоцикл, а его самого подбросить до правления. «Ну, я его и подбросил», – Лудник засмеялся. Климов отвернулся к окну, стало совсем неудобно.

Показалось, будто люди, сидевшие рядом, по приказу Лудника запросто могут вытащить из машины и его, Климова, долбануть по башке монтировкой, сбросить тело в канаву и, посмеиваясь, поехать дальше, как ни в чем не бывало. Лудник часто оборачивался назад, гримасничал лицом, морщил лоб и было видно, что под этим узким лбом зреют не самые девственные мысли.

* * *

За двадцать часов «газик» прошел всего-навсего четыреста небольшим километров извилистых проселочных дорог, а если мерить расстояние по прямой, то совсем пустяк получится. Дважды дорога кончалась, путь машины преграждали реки, не обозначенные на карте. Это ручьи, подпитанные талой водой, широко разлились, превратившись в бурные, замутненные серо-желтой глиной потоки.

Первый раз искали брод, да так и не нашли, поехали вверх по течению, в объезд. Но наткнулись на деревню, чтобы не светиться перед людьми, пришлось поворачивать оглобли, искать брод ниже.

Но и тут не сразу получилось. Река сделалась ещё шире и глубже, а твердая почва по берегам сменилась болотистой низиной. За рулем оставался Урманцев, по кличке Солома, четверо пассажиров выходили наружу, толкали машину сзади. Наконец, самый молодой из беглецов, Павел Цыганков, срезал иву, сделав из неё гладкую жердину, разделся до трусов, залез в реку, долго шел вдоль берега по колено в воде, пока не нашарил длинной палкой ровное неглубокое дно.

Перебрались на тот берег, но потратили ещё едва ли не час, пока наехали на заброшенную грунтовую дорогу. Может, последняя машина проходила по той дороге месяц назад, а может, и год. Но единожды проложенная в лесотундре дорога, как глубокий шрам, полностью не зарастет и через десять лет.

Дальше поехали без опаски, держа курс на северо-запад. На свободной от леса равнине людей нечего опасаться, здесь едва ли встретишь машину или путников, потому что нет вокруг жилья, путникам некуда идти, а машинам некуда ехать. В республике Коми, деревни и поселки не стоят сами по себе, в чистом поле, все жмутся к рекам или к железной дороге. Запросто можно отмахать пятьдесят, а то и все сто километров, не встретив на пути ни одного селения. Но снова наткнулись на реку, широко разлившуюся из ручья.

И опять повторилась история с поиском удобного объезда или брода.

– Больше в воду не лезу, – сказал Цыганков. – Я уже отметил. У меня не шестой номер.

На этот раз, скинув штаны, вдоль пологого берега почти по колена в воде побрел Климов, щупая палкой дно. Вода была такой студеной, что икры сводила судорога, а острые камешки, намытые потоком, больно ранили ступни. Климов шел на чужих онемевших ногах, как на протезах, боялся упасть в воду, часто останавливался.

Это мучение продолжалось долго, пока Урманцев не остановил идущую параллельным курсом машину. Выбравшись с водительского места, скинул ботинки и штаны.

– Вылезай, – крикнул он. – Дальше я искать буду.

Урманцев взял палку, ступил в воду. Климов долго не мог попасть ногой в штанину, наконец, натянул казенные подштанники, на них брюки, стуча зубами, забрался на заднее сидение, принялся растирать ладонями бесчувственные ноги.

Брод нашелся через пять минут. Переправившись на другой берег, остановили машину, достали коробку с тушенкой, Урманцев роздал по банке на нос.

Хлеб разорвали на куски, не дожидаясь, когда порежут краюху ножом. «Газик» тронулся в путь минут через семь, потому что за это короткое время с обедом уже успели покончить, вылизали банки хлебными корками, забросили пустые жестянки в реку.

Дорога снова кончилась, на этот раз каким-то неглубоким болотцем, заросшим кустами.

Машина едва шла, подолгу барахталась в грязи, наезжая на кочки, кузов «газика» наклонялся то вправо, то влево, готовый опрокинуться набок. И на медленном ходу пассажиров болтало и трясло. Колеса буксовали в грязи. Урманцев сжимал баранку, начинал уговаривать машину, словно женщину: «Ну, давай, родная. Не сейчас, позже отдохнешь». И машина слушалась, медленно выбиралась из жижи и тащилась дальше.

Низкие тучи летели на север, небо в шесть вечера сделалось темно-серым, наступили прозрачные сумерки, которым природа не позволит переродиться в темную ночь. Наконец, болотце кончилось, машина выбралась на сухую равнину, где из земли тут и там вылезали каменистые породы.

Лудник развернул на коленях карту, что-то долго вычислял, неразборчиво бормотал себе под нос. Засунув карту за пазуху, он стал задумчиво разглядывать горизонт, словно любовался открытым бескрайним пространством. Климов, наблюдая за Лудником краем глаза, беспокойно ерзал на сидении.

За два с лишним года неволи Климов научился тому, чего прежде не умел. Научился не верить людям, потому что люди только и делают, что лгут. Научился распознавать в действиях окружающих опасный для своей жизни подвох, а в словах тайный зловещий смысл.

Сейчас опасность исходила от Лудника.

– Останови, – Лудник протянул руку, тронул Урманцева за плечо. – Отлить хочу, пока снова в болото не заехали.

Машина остановилась. Лудник распахнул дверцу, спрыгнул на землю. Но вместо того, чтобы отойти в сторону и расстегнуть ширинку, полез под куртку, вытащил пистолет. Направил ствол на Урманцева и скомандовал.

– Выходи. Все выходите. Приехали.

* * *

Климов понял, что сбылось худшее, то самое, о чем страшно подумать. Милицейский пистолет – трофей Лудника, значит, он и банкует. Климов потянул на себя ручку, выбрался из машины следом за Хомяком и Цыганковым. Урманцев не двинулся с места, продолжал сидеть на водительском месте, положив руки на баранку.

– Ты чего? – спросил он Лудника. – Мы же вместе... Мы же...

– Вылезай, – свободной рукой Лудник взвел курок. – Качалово не разводи. Ты дальше не поедешь.

Урманцев открыл дверцу, вылез из машины, встал в нескольких шагах от Лудника. Климов понял: когда сидели в машине Лудник не случайно все оборачивался назад, морщил лоб и играл глазами. Очевидно, подавал Хомяку условные сигналы. Возможно и другое. Промеж ними и прежде был уговор: уже в побеге избавиться от трех лишних ртов.

Урманцев шагнул вперед, Лудник попятился. Он боялся, что Урманцев спрятал в рукаве самодельный нож или заточку.

– Стоять, – крикнул Лудник.

Урманцев остановился. Хомяков зашел ему за спину, дернул за воротник куртки.

– Скидавай кишки, – приказал он.

С сожалением, которого не смог скрыть, Урманцев расстегнул «молнию» куртки, Хомяков тем временем сбросил на землю казенный бушлат. Принял куртку и проворно натянул

её на себя. Хомяков погладил ладонью теплую клетчатую подкладку и даже вздохнул: такая одежда не то что тело, саму душу греет.

– Теперь шкары, прохаря и кепарь скидавай, – сказал он.

Урманцев бросил на землю кепку, расстегнул цивильные брюки, скинул высокие, на рифленой подошве ботинки. Остался в драных носках и казенных бумажных кальсонах, проштампованным спереди и сзади черными треугольными печатями.

Пока Хомяк с блуждающей на лице блаженной улыбкой напяливал обновки, Лудник держал Урманцева на мушке. Неожиданно подал голос Цыганков.

– Пожалуйста, не бросайте. Тут менты прихватят или сам загнешься. Западло меня кидать. Возьмите...

Лудник отрицательно покачал головой.

– Против тебя, Джем, я ничего не имею, – сказал он. – Но тут гражданской одежды на два рыла. А в твоём бушлате далеко не уйдешь. Ты здесь лишний. Без обид.

Цыганков, кажется, хотел упасть на колени и завывать в голос, по-бабьи. Но сообразил, что перед Лудником в ногах валяться – только его смешить, а не жалобить. Вытирая сопливый нос кулаком, Цыганков остался стоять, где стоял. Хомяков открыл заднюю дверцу, оглянулся на Урманцева.

– Ну, что, Солома? – улыбаясь спросил Хомяков. – Как будем делить все это? Поровну или по-братски?

Урманцев не ответил. Тогда Хомяк выбросил на землю старые сапоги, казенные штаны, черную шапку из потертого искусственного меха. Подумав мгновение, Хомяк бросил и двухместную палатку, упакованную в брезентовый на ремне чехол. За палаткой последовали два почти полных мешка, к которым ещё на зоне пришили продольные лямки, получилось что-то вроде рюкзаков.

Эти холщовые мешки были спрятаны в подвале недостроенного мебельного цеха, в тайнике на промышленной зоне. Мешки наполнял Климов, постепенно, день за днем выносил на промку то теплые носки и белье, то вяленую рыбу, то вареную и высушенную на железном листе над костром кашу, то сухари. Мешки понемногу росли и пухли, а он все таскал и таскал, рискуя быть пойманным, получить как тридцать дней штрафного изолятора, а то и новый долгий срок за подготовку побега.

Месяца полтора назад, встретив в условленном месте Урманцева, Климов сказал: «Не понимаю, на кой черт нам нужны на воле эти сухари и сушеная каша? Я же башкой рискую, когда прячу все это на промке. На воле у нас будет нормальный хлеб, консервы и вообще все, что требуется». «Слушай, давай не будем на ля-ля время тратить, – ответил тогда Урманцев. – Сказал тебе, набить харчем полтора-два мешка – ты делай. Или...» «Хорошо, хорошо», – поспешил согласиться Климов.

И вот теперь выясняется, что Урманцев был прав по всем статьям. Будто все наперед знал.

Хомяк захлопнул заднюю дверцу. В «газике» остались ящик тушенки, ящик рыбных консервов, сало, свежий хлеб. Плюс к тому множество других не менее ценных вещей: теплое белье, лопата, топор, фляжка со спиртом, кружки, компас, фонарь и ещё бог знает что. И, главное, в машине осталась карта. Это невосполнимая потеря.

Неторопливый Хомяков обошел «газик» спереди, залез на водительское место, хлопнул дверцей. Лудник, птясь задом, не опуская пистолета, забрался на пассажирское сиденье.

Собравшись с духом, Климов шагнул вперед, к машине.

– Послушайте, – сказал он. – Ведь это наша машина. Моя и Соломы. Наши харчи. Наша одежда. Мы имеем право. Можем рассчитывать хотя бы...

– Пошел к такой матери, чмошник, – коротко ответил Лудник.

Климов двинулся в его сторону.

– Еще шаг – и я тебя кончу, – тихо предупредил Лудник.

Климов остановился. Возможно, Лудник и шмальнул бы не одного Климова, всех троих положил из своей пушки, на нем кровь того мента и терять уже нечего. Но Лудник не выстрелил. Может, не людей пожалел, а патроны.

«Газик» тронулся с места, Лудник уже на ходу хлопнул дверцей. Цыганков прижал ладони к груди, зашмыгал мокрым носом, в его глазах стояли слезы несправедливой обиды.

– Западло, – прошептал Цыганков. – Взяли нас на прихват, крысятники.

Климов сам был готов разрыдаться, он долго смотрел вслед удалявшейся машине. «Газик» увозил водителя и пассажира к новой свободной жизни. Количество билетов в эту новую счастливую жизнь ограничено, на всех не хватило. Поезд ушел, прыгать на заднюю подножку слишком поздно.

Урманцев стал натягивать на себя казенные штаны. Закончив с этим делом, уселся на мешок, вытащил из голенища сапога две пары грязноватых портянок: теплых байковых и бумажных.

Он долго вертел перед самым носом сапоги. Плохая обувь, непригодная для дальних пеших переходов. Подошва скользкая, сбита, низ сапог из грубой свиной кожи, которая трет ноги при ходьбе. Голенища сшиты из пропитанного смолой брезента. Нитки потерялись, того и гляди лопнут. Урманцев натянул сапоги, нахлобучил на голову шапку, тронул Климова за плечо.

– Надо идти, – сказал он. – Нельзя надолго останавливаться.

– Надо, – повторил Климов. – Но куда идти?

– А как же я? – выступил притихший, расстроенный чуть ли не до слез Цыганков. – А меня?

Урманцев показал пальцем вперед, в том направлении, где за горизонтом исчезла машина.

– А ты вроде бы с ними собирался, – сказал он.

– Я пропаду тут один. И если уж менты меня загребут, молчать не стану. Все скажу.

– Пусть идет с нами, – попросил за Цыганкова Климов. – Оставлять его тут все равно нельзя.

– А кормить его ты будешь? – усмехнулся Урманцев. – Грудью?

– Я много не съем, – жалобно пропищал Цыганков.

Урманцев не ответил, лишь как-то загадочно криво усмехнулся, пожал плечами. Поднял с земли мешок, напросил на плечо брезентовые лямки, на другое плечо повесил палатку в чехле. Климов взял другой мешок. Урманцев зашагал по следу, проложенному «газиком» по мягкому грунту, Климов пошел за ним, отстав на несколько шагов.

Цыганков, постояв минуту в раздумье, заспешил следом.

* * *

В десять вечера майор Ткаченко связался по рации с начальником колонии Соболевым и доложил, что попусту прокатался в Молчан. Информацию, полученную на месте, можно было узнать от районного прокурора, не вылезая из кабинета.

Машина, по-видимому, с беглыми зэками, проследовала вдоль поселка приблизительно в полдень, в кабине несколько мужчин, пятеро или четверо. Те, что сидели спереди, одеты в гражданскую одежду: куртки зеленого и синего цвета. И главное: номер «газика» начинается с двух восьмерок. Машина объявлена в розыск, но надеяться на скорые результаты не стоит.

– Будешь возвращаться? – спросил Соболев.

– Не для того я почти сто верст отмахал, – ответил Ткаченко. – Заночуем здесь, в поселковом правлении. Авось, утром передадут что-нибудь новенькое. Должны же эти черти где-то вынырнуть.

Соболев пожелал майору удачи и отправился домой, предупредив дежурного, чтобы в экстренном случае беспокоили его без всякого стеснения. Дорогой через овраг Соболев дотопал до дома, тихо отпер дверь, снял в прихожей шинель и сапоги, посмотрел на часы. Без четверти одиннадцать, дети спят.

Павел Сергеевич переоделся, заглянул в большую комнату и, изобразив на лице кислую гримасу, лишь отдаленно напоминавшую улыбку, сказал, что поработает с бумагами в своей комнате. Жена кивнула, она смотрела по телеку фильм и не хотела отвлекаться. Соболев сам когда-то видел эту скучную мелодраму с бесконечными диалогами, в которых тонет действие. Перед просмотром можно не принимать снотворного, и так заснешь.

Соболев соврал жене, у него не было бумаг, с которыми требовалось поработать. Но в данную минуту он не желал пялиться в телевизор, прозванный в поселке мусоропроводом, а главное, тяготился обществом жены, её печальным видом, грустными глазами. Закрыв дверь в свой домашний кабинет, Соболев включил транзисторный приемник.

Усевшись в кресле у окна, он задрал ноги на подоконник и стал отхлебывать из стакана крепкий чай. Соболев не слушал выпуск новостей, который передавали по радио, а сосредоточился на своих мыслях, которые не додумал днем в рабочем кабинете. На мыслях о подлой сущности человеческой породы.

Без малого восемь лет, как он начальник колонии. Когда принимал хозяйство, все здесь пропахло запустением и упадком. За прошедшие годы столько дел наворочали.

Даже никуда не годные доходные инвалиды теперь работают на швейном производстве. А ещё теплицы, а ещё свиноферма и коровник. И, наконец, гордость Соболева – мебельный цех, который все растет, укрупняется. Мебель, что делают здесь зэки, ничем не хуже европейских образцов. Хоть на всемирную выставку отправляй – и останешься с медалью.

Спроси кто: для чего Соболев организовывал всю эту музыку, поднял из руин производственную зону? Ну, живые деньги – это само собой. Но есть и другая цель – не оставить зэку времени, чтобы минуту свободной у него не было.

Восемь часов смена. Часто рабочий день по просьбам самих же трудящихся удлиняется до десяти часов. Чтобы пожилые люди доползали до барака полумертвые от усталости и проваливались в сон, как в глубокий колодец. А молодые, ну, те, которым нет сорока лет, эти после смены садятся за парты в вечерней школе. И ничего страшного, если ты на воле закончил десятилетку, а то и вуз. Или не дай Бог стал кандидатом каких-нибудь там паршивых наук. Все рано, вечерняя школа – это святое. После смены и вечерних классов некогда о ерунде думать, а уж о побеге и подавно. Лишь бы до подушки голову донести.

Соболев, как всякий крепкий хозяин понимает, что без приварку зэку трудно прожить. Да и заключенные заинтересованы в работе. Им на лицевой счет начислят по безналу деньги на ларек, чтобы побаловали себя на праздник махоркой, макаронами, белым хлебом, иногда даже и пряниками. Должны быть, сволочи, суки драные, благодарны хозяину. А они в бега уходят.

Телефон на письменном столе зазвонил так тонко, так неожиданно, что погруженный в размышления Соболев едва не вздрогнул. Дежурный офицер доложил новости:

– Капитан Аксаев допросил Васильченко, приятеля задержанного сержанта Балабанова. Васильченко, а также прапорщик Приходько дважды видели Балабанова в поселке возле пивной. Балабанов долго разговаривал с какой-то женщиной.

– Ну и что с того, что с женщиной разговаривал? – встрепенулся Соболев. – Что за баба?

– Не местная. Аксаев ещё раз допрашивает самого Балабанова. Сержант вроде бы изменил показания, которые дал днем. Теперь он говорит, что деньги получил не от мужчины. От женщины.

– От женщины? – переспросил Соболев.

– Так точно, от женщины.

Соболев сбросил ноги с подоконника, встал с кресла.

– Молодец Аксаев. Я скоро буду.

– Конвою привести Балабанова в ваш кабинет?

– Я сам ради такого дела вниз спущусь, – ответил Соболев.

Глава четвертая

Соболев скинул шинель в своем кабинете, спустился в подвальное помещение административного корпуса. Хозяин не любил бывать в подвале, заглядывал сюда лишь в случае крайней необходимости, когда обстоятельства требовали его личного присутствия. Каблуки сапог, подбитые подковками, отбили дробь по крутым ступенькам.

Дежурный офицер, скучавший под лестницей, перед тумбочкой с телефоном внутренней связи, при появлении хозяина сбросил с плеч овчинный тулуп, хотел вытащить ноги из валенок, но не успел. Вскочил и, приложил острие ладони к околышку фуражки.

– Лейтенант Коробкин докладывает. За время моего дежурства...

– Где содержат Балабанова? – не дослушал Соболев.

– В «подводной лодке», – отрапортовал лейтенант и помимо воли улыбнулся. – Жалуются, что холодно. Зато вши не кусают.

«Подводной лодкой» называли холодную темную камеру без окна размером метр на полтора. Ни деревянного настила, ни табурета, чтобы посидеть, там не было. Содержавшийся под стражей не мог сесть даже на пол, потому что «подводная лодка» помещалась ниже всех других камер, это был как бы в подвал в подвале.

Каменный пол по отношению к коридору углублен на двадцать пять сантиметров. Со стен и потолка стекала вода, которая весной и летом доходила арестанту до щиколоток, цвела, распространяя нестерпимое зловоние, а зимой превращалась в толстую ледяную корку. Как правило, провинившиеся злостные отрицалы из эков, побывав в «подлодке», через двое-трое суток умнели, становились сговорчивыми и покладистыми. Но потом долго болели.

– Сейчас он где?

– Капитан Аксаев продолжает допрос в двенадцатом кабинете.

Соболев кивнул, неторопливо пошел по коридору, слушая эхо своих шагов. Повеяло холодом, затхлой сыростью застоявшегося воздуха, плесенью и ещё каким-то неживым духом, не имеющим определенного названия.

Интерьер тут, в подземелье, все тот же, что был и десять, и тридцать лет назад. Длинный коридор, освещенный лампочками, забранными металлическими сетками, крашенные темно зеленым цветом двери пустовавших камер, комнат для допросов и «козлодерок», теплых помещений для контролеров ИТК, обиты листовым железом.

Сводчатый потолок с выступающими балками бетонных перекрытий украшен бурыми разводами ржавчины, похожими на засохшие кровавые лужицы, черно-зелеными островками плесени. Стены, зимой промерзающие насквозь, поздней весной и летом сочатся влагой. Можно делать ремонт подземных помещений хоть каждый месяц, изводя казенные деньги, но сквозь новый слой краски уже через неделю начинает пробиваться вода и ржавчина, а затем по углам густо разрастается проклятая черная плесень.

Соболев вошел в комнату для допросов, приказал конвою выйти в коридор. Аксаев взял под козырек, рапортовал, что в данный момент проводит допрос задержанного соучастника побега сержанта Балабанова.

– Как настроение? – не по-уставному, а как-то по-домашнему спросил Соболев. – Посижу, послушаю. А то с женой скучно, так я лучше тут, с вами. Не возражаешь? Как успехи?

– Признался, тварь, что деньги получил не от мужика, от женщины. Но вот подробного описания этой бабы я пока так и не добился. Темнит. Говорит, что женщина старая, седая, сморщенная. А прапорщик Приходько и сержант Васильченко дают другое описание. Молодая, в соку.

– Хорошо, продолжай, – махнул рукой Соболев.

Усевшись на мягкий стул у стены, он прикурил сигарету, с наслаждением пустил дым из носа, стал внимательно разглядывать Балабанова, на котором из одежды остались лишь рваная на груди майка и солдатские штаны.

Судя по синякам и кровоподтекам на лице сержанта, Аксаев уже основательно поработал над ним. Усадил молодого человека на стул, руки за спиной сковал наручниками, снял с солдата сапоги, оголенные лодыжки прикрутил веревками к ножкам стула.

Приглядевшись, Соболев заметил, что веревки притягивают к спинке стула и грудь Балабанова. Таким образом, сержант находится в совершенно беспомощном положении. Аксаев потер одна о другую замерзшие ладони, словно готовился показать фокусы перед публикой, искательно улыбнулся хозяину. Затем достал из кармана веревку, зашел за спину Балабанова, накинуд её на шею сержанта.

Концы веревки Аксаев обмотал вокруг кисти правой руки, сжал пальцы в кулак.

– Ну, пехота, что теперь запоешь? – спросил капитан. – Расслабься. Еще не вспомнил, как выглядела та женщина?

Балабанов, прикусил губу и молчал.

– Говоришь, она старуха? – спросил Аксаев.

– Пожилая женщина, – пробормотал Балабанов. – У меня плохая память. Ну, на лица плохая память.

– Что, не слышу? – Аксаев заорал так, что заложило уши.

– Ну, как бы это сказать, – Балабанов говорил медленно, с видимым усилием выдавливал из груди звуки, делал долгие паузы между словами, наконец, составлял из них предложение. – Не то, чтобы пожилая, но в годах. Короче, не молодая.

– Значит, в годах? – переспросил Аксаев. – Старая, значит? Ну, сука, считай, что ты дубарь.

Аксаев с силой толкнул солдата в затылок, стул опрокинулся на передние ножки, и упал бы вперед, увлекая с собой сержанта. Но веревочная петля туго натянулась, сдавила шею Балабанова, удержала от падения. Сержант захрипел, впуская в себя воздух, лицо искривилось от боли, пошло стариковскими морщинами. Готовый развалиться стул тонко скрипел под Балабановым.

Соболев прикурил следующую сигарету, пуская дым, наблюдал, как меняется физиономия солдата. Из рта вылез распухший язык, жилы на лбу рельефно вздулись, глаза выкатились и остекленели.

Страхнув пепел на сырой пол, выложенный каменными плитами, Соболев почему-то именно сейчас вспомнил о дочери. Нади недавно десять лет исполнилось, половину своей коротенькой жизни она болеет астмой. Зимой болезнь редко напоминает о себе, но весной вылезает наружу, Надя кашляет взахлеб, задыхается сырым застоявшимся воздухом, ночами не спит.

Жена открывает все форточки, чтобы легче дышалось, делает спиртовые и масляные компрессы, но толку чуть. Здешний климат разрушает слабое здоровье дочери, надо бы уехать отсюда навсегда. И была реальная надежда на перевод в Москву. Соболев потушил окурок о подметку сапога.

Веревка ещё глубже врезалась в шею Балабанова.

Он позеленел лицом, словно залежавшийся в морге покойник и, кажется, больше не дышал. Аксаев ухватил сержанта за плечи, потянул на себя, натяжение веревки ослабло, стул снова встал на все четыре ножки. Но придушенный Балабанов уже вырубился, не почувствовал облегчения, голова упала на грудь, нижняя челюсть отвалилась. Из уголков рта на майку потекла слюна, похожая на пену гоголь-моголя.

Аксаев отошел к столу, вытащил из ящика склянку с прозрачной жидкостью, клочок ваты. По комнате расплылся запах нашатыря. Смочив вату, капитан сунул её под нос Балабанова. Тот закашлялся, втянул в себя выпавший изо рта язык, сплюнул на пол. Аксаев влепил солдату увесистую пощечину.

Голова сержанта мотнулась из стороны в сторону.

– Ну, что, скотина? – спросил Аксаев. – И дальше будешь вола в зад трахать? Партизана из себя корчить? Сейчас ещё разок тебя на хомут возьму и уйдешь отсюда вперед копытами. Этого ты хочешь?

– Не хочу, – прошептал Балабанов. – Дай, дайте, воды. Пожалуйста.

– Дам, – пообещал Аксаев. – Но сначала слушай первый вопрос. Сколько лет той женщине и как она выглядит?

Но Балабанов снова прикусил губу. Похоже, канитель с допросом затягивалась. В комнате холодно, Соболев почувствовал, как мерзнут под двумя парам теплых носков ноги, обутые в фасонные, шитые на заказ сапоги. Да, долго не высидишь на одном месте. Он поднялся, несколько раз прошелся вдоль стены, затем совершил круг по периметру кабинета.

– Как выглядит эта сучка? – орал Аксаев. – Ты её трахал, да? Ты трахал ее? Куда трахал, а?

Аксаев занес назад руку, готовясь влепить Балабанову новую пощечину. Но Соболев остановил его.

– Подожди, капитан. Полегче.

* * *

Хозяин подошел к Балабанову, нагнулся над ним, потрепал рукой по мягкой одутливой щеке. Сержант остекленевшими глазами смотрел в темный угол. Кажется, он плохо понимал смысл вопросов.

– Сынок, – обратился Соболев к Балабанову. – Слышишь, сынок?

Балабанов кивнул головой, давая понять, что слышит слова хозяина.

– Давай с тобой по-хорошему поговорим. Ты получил деньги от женщины лет тридцати пяти-сорока. Так? Ее описание уже составили со слов Васильченко и Приходько. Так что, твои пояснения по делу уже ничего не меняют. Зачем же ты упорствуешь?

Балабанов неожиданно заплакал, по-детски всхлипывая, дергая головой. Крупные прозрачные слезы стекали по щекам на подбородок, падали на майку и голую грудь.

– Ну, сынок, – продолжал Соболев. – Ну, что ты... Твои показания не мне лично нужны, не капитану Аксаеву. Тебе они нужны. Ведь будет суд трибунала, тебе зачтется помощь следствию. И чистосердечное раскаяние тоже зачтется. Тебя, дурачка, подставили матерые бандиты. Понимаешь?

Балабанов снова кивнул головой.

– Ну, ты не удержался, взял сдуру деньги, – неторопливо продолжал Соболев. – И теперь страдаешь за настоящих преступников. А они смеются над тобой. А ты станешь нам помогать, для начала ответишь на несколько простых вопросов, которые задаст капитан. И отделаешься тремя годами дисциплинарного батальона. Три года, всего-то. А там, глядишь, ещё годик сбросят. За образцовое поведение. Понимаешь?

Балабанов горько всхлипнул.

– По-по... Понимаю.

– Вот так-то, – одобрил Соболев. – Два-три года. Разве это срок? Глазом не успеешь моргнуть, как поедешь на родину. К родителям. У тебя девушка есть?

– Есть, – давился слезами Балабанов.

– Красивая хоть девушка? Ждет тебя?

– Ждет.

– Вот видишь, это нехорошо, заставляя девушка долго ждать. Сейчас мы снимем с тебя браслеты и веревки. А ты расскажешь о той бабе все по порядку. Как было. Поговорим и пойдешь в теплую камеру. Спать будешь до обеда. Договорились?

– Договорились.

Балабанов перестал плакать. Возможно, в эту самую он вспомнил свою девушку, твердо решил, что три года она ждать не станет. Однозначно, не станет ждать, когда вокруг так много соблазнов, искушений. Возможно, он вспомнил отца, который умер, когда сын пешком под стол ходил.

А может, вспомнил мать, которую больше никогда не увидит, потому что три года для тяжело больного человека – срок совсем не малый. Потому что мать теперь меряет время другим аршином, не тем, каким меряет полковник Соболев. И деньги, что сын послал на операцию, до неё теперь не дойдут, не спасут. А если и дойдут, менты отнимут их прямо на почте, с посылкой, в руки взять не успеет.

Так или иначе, Балабанов принял для себя какое-то важное решение. Неожиданно он выпалил:

– Только никакую женщину я в глаза не видел. Деньги мне не баба, мужик их передавал. Соболев опустил руки. Аксаев выпучил глаза и чуть не застонал от ярости.

– Вот же тварь упрямая, – закрипел зубами, сощурил узкие глаза капитан. – Псих долбаный.

Соболев вернулся на свое место. Аксаев выудил из кармана веревку, зашел за стул. Накинул петлю на горло солдата, свободной рукой толкнул его в затылок. Балабанов вместе со стулом повалился вперед и захрипел.

Сейчас Соболев боялся, что капитал Аксаев, всегда допрашивающий подозреваемых с душой, с пристрастием, которое от него и не всегда требуется, здорово перестарается. Аксаеву светит премия в размере месячного оклада со всеми надбавками за быстрое раскрытие преступления, поэтому он усердствует, не щадя кулаков. Но вот Балабанов в таком ритме допросов, похоже, долго не проживет. Если и дотянет до трибунала, то скорее всего, останется инвалидом.

Однажды Соболев стал свидетелем того, как Аксаев в течение часа избивал заключенного большим деревянным молотком. При помощи таких молотков охрана осуществляет технический осмотр барачных помещений, простукивает стены, выявляя пустоты в кирпичной кладке, а в тех пустотах тайники и захоронки.

Закованный в наручники зэк, не имевший возможности закрыться от ударов руками, несколько раз терял сознание, но его отливали водой. Аксаев в ходе того допроса ухитрился расколоть киянку о голову зэка, а потом смешил своим рассказом сотрудников оперчасти. Вот мол какие непробиваемые каменные головы у некоторых заключенных, молоток и тот не выдерживает.

Аксаев снова и снова толкал вперед стул. Когда Балабанов вырубался, приводил его в чувство ударами по лицу и нашатырным спиртом и снова задавал вопросы. Соболев основательно промерз, сидя на стуле, у него кончились хорошие сигареты.

Пришлось курить то дерьмо, которое курит Аксаев.

– Ну, говори, падаль, – орал Аксаев.

Но Балабанов в ответ только хрипел, всхлипывал, бормотал бессвязные слова. Чтобы отвлечься от тягостного зрелища Соболев стал думать о посторонних вещах. Интересно, Аксаев поработает над беглыми зэками, когда тех доставят к нему на допрос?

Не мудрено, если крайней мере один из той пятерки умрет от побоев, повлекших кровоизлияние в мозг. А зонный врач Пьяных даст стандартное заключение, согласно которому зэк умер от сердечной недостаточности. Кто-то из беглецов повесится в одиночной камере

на веревке, которую работники ИТУ якобы не найдут при личном обыске. Остальным – как повезет. Он, Соболев, разумеется, не станет останавливать ретивого капитана. Беглым зэкам некого винить кроме самих себя. Тут, как говорится, зуб за зуб.

Те, кто выживет после допросов, предстанут перед выездным судом, который состоится здесь, на зоне, в помещении клуба. Соболев подумал, что на допросы сержанта Балабанова можно вызвать врача Пьяных, чтобы тот не дал умереть солдату, откачал его, когда тому станет совсем худо. Ведь Балабанов не просто соучастник преступления. Он станет одним из свидетелей обвинения на показательном суде над пойманными заключенными.

– Ну, говори, тварюга, – орал Аксаев и лепил сержанту новые пощечины. – Говори...

Допрос закончился ничем.

Балабанов больше не чувствовал боли, не помогали ни пощечины, ни нашатырный спирт. Шея сержанта покрылась синяками, сделалась багровой от веревки, из носа хлынула кровь.

Аксаев вызвал конвой, приказал принести одеяло. Затем разрезал веревки, которыми прикрутил Балабанова к стулу, расстегнул браслеты. Балабанов сполз со стула на пол. Конвоиры подняли Балабанова за руки и за ноги, переложили на одеяло.

– В «подводную лодку» его? – спросил старший конвоя.

– В обычную камеру, – приказал Аксаев. – Когда очухается, браслеты наденьте. И переведите в «стаканчик». И пить ему не давайте, если попросит.

Аксаев решил, что «подлодке» Балабанов к утру откинет копыта от холода или утонет в глубокой холодной луже. А в «стаканчике», камере размером со шкаф и крошечной скамеечкой, на которой едва втиснется карлик, с подследственным ничего худого не случится, утром можно будет продолжить допрос. Конвоиры унесли Балабанова на одеяле.

– Никуда он не денется, – пообещал Аксаев хозяину. – Я не таких крепких обламывал. А этот просто тупой сопляк. Он начнет говорить завтра утром. Крайний срок – днем.

– Разумеется, – кивнул Соболев. – Значит, описание той женщины у тебя есть?

– Так точно, составлено со слов Приходько и Васильченко. Примерно сорок лет, волосы русые, короткие. Рост сто шестьдесят пять – сто семьдесят сантиметров. Черты лица правильные. По манерам – из интеллигенции. Говор московский, акает.

– Тут ко мне такая мысль пришла, – Соболев глубоко затянулся сигаретой. – Только один из пяти беглецов имел личники с женой. За два последних квартала он получил два долговременных свидания. Понимаешь? Сильно сдаётся мне, что эта дамочка, совавшая деньги, и есть жена Климова.

– Точно, товарищ полковник, – Аксаев шлепнул себя ладонью по лбу. – Она и есть.

– Последний личник у них был где-то месяц назад, – продолжил Соболев. – В деле записано, посмотри. Затем опроси контролеров, которые дежурили в то время в бараке для свиданий. На тот предмет, соответствует ли описание женщины личности Климовой.

– Слушаюсь.

– Свяжись с ГУВД Москвы. Выясни об этой женщине все, что только можно. Где она сейчас находится? Чем занимается? Когда, в какой день вернулась из Коми после свидания с мужем? Составь к утру официальный запрос в ГУВД. Пусть подготовят справку о личности Климовой. Понял?

– Так точно.

– Если наши подозрения подтвердятся, объявим Климову в розыск. Пока Ткаченко отсутствует, тебе придется самому сделать эту работу. Я иду домой, посплю немного.

* * *

Путники шли без остановки четыре часа. Шли молча, экономя на даже словах, не тратили силы на пустые разговоры. Первым шагнул Урманцев, за ним брел Климов, замыкал шествие Цыганков. Дорога давалась трудно, к ночи температура упала до минус пяти градусов, поверху мягкой глинистой почвы образовалась ледяная корка. Сапоги, ломая тонкий лед, проваливались, вязли в грунте, который оттаивал днем, сохраняя в себе тепло, делался вязким, как пластилин. Каждый раз, чтобы вытащить из него ногу, приходилось тратить лишнее усилие. Климов шел дальше, оперевшись взглядом в затылок Урманцева, стараясь попасть сапогами в след идущего впереди человека.

Теперь мешок Климова тащил Цыганков, ноша была не тяжела, но когда ноги увязают в липкой глине, когда последний раз ты ел пять-шесть часов назад, и один лишний килограмм в тягость. Иногда Урманцев останавливался, нагибался, совал в рок кусочек льда. Брел дальше, сосал лед, словно леденец. Климов и Цыганков, в горле которых тоже пересохло, копировали повадку своего ведущего. Лед во рту быстро таял, вода казалась совершенно безвкусной, пресной, а жажда почему-то не ослабевала.

Западный ветер разогнал тучи, к одиннадцати ночи бледное северное небо очистилось, сделалось серо-голубым. В одиннадцать с четвертью ночи из-за разлетевшихся облаков показалось тусклое солнце. Оно стояло над горизонтом, прикасалось нижней половиной к поверхности земли и своей формой напоминало огромную горбушку хлеба.

Бедный пустынный пейзаж поменял цвета и оттенки, приобрел неземной, марсианский красновато-бурый цвет. Люди отбрасывали длинные ломкие тени. Урманцев держал курс точно на солнце, но скоро этот ориентир заслонили густые заросли березового кустарника в человеческий рост. Цыганков, уставший быстрее остальных, начал жаловаться и стонать в голос.

– Эй, давай останавливайся, – говорил он, обращаясь к Урманцеву. – У меня ноги уже не идут. Слышь, давай посидим немного. Слышь, что говорю... Эй, перекур.

Но Урманцев, кажется, ничего не слышал. Он шел вперед, переставляя ноги с автоматизмом робота. Березы все не кончались. Пришлось отклониться в сторону, чтобы обойти заросли стороной, но конца им видно не было. Делать нечего, стали проламываться сквозь березняк напрямик. Но главным препятствием стали тонкие, гнутые стволы берез, которые не поднимались вертикально, как в средней полосе, а близко прижимались к земле. Урманцев часто оступался, иногда падал, вставал и шел дальше.

Климов, чтобы не упасть, внимательно смотрел под ноги, стараясь переступить через березки, но часто не видел препятствий, тоже падал, выставя вперед свободные руки. Упав очередной раз, он разорвал бушлат на груди и в кровь разбил уже облепленную глиной правую ладонь.

После очередного падения Климова Цыганков толкнул его в спину, скинул с плеча лямки мешка.

– Твоя очередь, – сняв шапку, Цыганков вытер с лица бисеринки пота. – И вообще пора отдохнуть. Не могу больше...

С мешком на плече Климов пошел медленнее. Напиривший сзади Цыганков тяжело отдувался, вздыхал, а если оступался, то пыхтел как трактор. Когда останавливался или падал Климов, Цыганков толкал его в спину или пинал в зад сапогом.

Климов слабел, чтобы отвлечься от тягот пути, он старался думать о приятных вещах, но далекие воспоминания ускользали, а мысли путались, словно карты в растасованной колоде. Цыганков то и дело жаловался, просил сделать привал.

– Я подышаю, – говорил он. – Давай остановимся хоть на полчаса. Все равно больше ноги не идут...

Но Урманцев шагнул дальше. Среди зарослей березняка вдруг выступили над поверхностью пятна голого лишнего растительности грунта, в поперечнике до трех метров. Попадались маленькие поляны, в ковре из серого снега, черной прошлогодней травы и листьев, поверх них лежали поросшие синева́тым мхом округлые камни.

Когда выбрались из зарослей, солнце наполовину скрылось за горизонтом. На открытом пространстве стало легче идти, но так продолжалось не долго.

То и дело стали попадаться высокие, до трех метров, бугры, склоны которых с юга заросли оленьим мхом и пушицей. Приходилось взбираться вверх, а затем сходить в низину, глинистую и заболоченную. А там, глядишь, начинался новый подъем. Тусклое солнце медленно сползло за горизонт, белые сумерки налились серой мглой.

* * *

Урманцев начал новый подъем на склон бугра, заскользил подметками по скользкому мху, чуть не свалился вниз на идущего сзади Климова, но успел зацепиться пальцами за куст. Видимо, сам Урманцев, всю дорогу тащивший мешок, сильно выдохся. Когда спустились вниз, неожиданно попали на сухое место, усеянное каменной россыпью. Урманцев, словно искал именно эту низину, сухую и ровную, скрытую от обзора.

Он остановился, сбросил на землю мешок и палатку.

– Стоп, – сказал Урманцев. – Здесь отдохнем.

Климов остановился, сел на камни и только после этого скинул с плеч мешок. Цыганков присел на корточки, вытащил из-за пазухи бумагу, кисет из плотной бордовой ткани полный махры. Он развязал кисет, затем скрутил толстую козью ножку, чиркнул спичкой, глубоко втянул в себя горячий табачный дым и закрыл глаза от удовольствия. Сделав несколько глубоких затяжек, он поднес кисет к лицу Климова, демонстрируя вышивку золотыми нитками по бархатистой ткани: «Милому Павлу от далекой подруги».

– Заочница прислала, – похвастался Цыганков. – Жаль, её фотка в бараке осталась. Увидишь эту телку, сразу пень задымит.

– Джем, иди срежь вот те сухие кусты, может огонь получится развести, – сказал Урманцев.

– А почему я? – удивился Цыганков. – Я что левый крайний?

– Ты жрать хочешь? Тогда действуй. Иди и срежь кусты.

Цыганков дососал козью ножку, встал, выудил из внутреннего кармана самодельный нож. Через пять минут небольшой костерок разгорелся веселым пламенем. Урманцев развязал мешок, выдал каждому по три сохлых воблы, два сухаря, насыпал в подставленные ладони вареной и высушенной перловки.

Цыганков проглотил свою порцию с молниеносной быстротой, не успев даже прожевать еду. Вытерев губы, пожаловался, мол, сухая ложка рот дерет. И долго сосал рыбью голову, неотрывно наблюдая голодными собачьими глазами, как Климов чистит доставшуюся ему воблу.

Урманцев, сидя на корточках возле огня, ел не торопясь, не потому что не испытывал голода, но сухая перловка, пересошенная рыба в прикуску с сухарем не лезли в горло. Покончив с едой, он снова полез в мешок, вытащил оттуда кусок фольги, скатанный рулончиком. Он свернул из фольги большой кулек, отошел в сторону, на северный склон бугра, насыпал в кулек тяжелого талого снега. Затем присел к костру, растопил снег на огне, попил теплой мутной водицы, пустил самодельную чашу по кругу.

– Ну и жарка у вас, бациллистая, – Цыганков свернул ещё одну самокрутку, поменьше. – Баланда, та хоть теплая.

– Что, мальчик хочет парного молочка? – прищурился Урманцев.

– Да пошл ты, – плюнул в костерок Цыганков. – И какого хрена мы идем на север? Я не северный олень.

– Лично ты можешь идти куда хочешь, – ответил Урманцев.

– Если погода переменится, если ударят холода, мы просто сдохнем, – продолжал Цыганков. – Околеем от стужи. Тут в конце мая бываю морозы до десяти и ниже. Надо поворачивать, пока не поздно. Выходить на дорогу, идти вдоль неё на юг.

– Я сказал, можешь идти куда хочешь, – сплюнул Урманцев. – Теперь ты свободный человек.

Цыганков замолчал, поломал сухие ветки, бросил их в огонь, придвинул к костерку ноги. Промокшие сапоги нагрелись, пустили пар. Цыганков только сейчас почувствовал, что ноги промокли, надо бы скинуть сапоги, просушить скрученные мокрые портянки, но Урманцев уже докурил свою самокрутку, допил воду из кулька и стал завязывать мешок.

– Надо идти, – сказал он.

– Идти? – Цыганков скорчил жалобную гримасу. – Жратва ещё не прижилась. Дай покемарить час. Дай хоть портянки просушить. Скажи, куда мы идем? Ну, куда?

Вместо ответа Урманцев забросил мешок на плечи, продел одну руку в лямку. Климов чувствовал, что сил осталось мало, совсем на доньшке, но молча поднялся. Охая и жалуясь на судьбу, встал и Цыганков, потянулся было взять мешок, но вместо этого толкнул в плечо Климова.

– Ты неси. Твоя очередь.

– Моя очередь уже была.

– Все равно, ты неси, – заупрямился Цыганков. – У меня сил больше нет.

Климов поднял мешок, начал подъем на склон бугра. Легкий мешок тянул назад. Что-то хлопало в правом сапоге. Цыганков, постанывая, поплелся за следом, еле переставляя ноги. Казалось, легкие порыва ветра шатали его из стороны в сторону. Климов оглянулся на дгорающий в низине костерок и насколько мог прибавил шаг.

Впереди голое безлесое пространство, только кое-где торчат из земли низкорослые корявые кустики, ветви которых напоминают огрызки колючей проволоки.

Половина первого ночи. Из-за горизонта выползает скрывшееся на сорок минут багровое солнце. Впереди идет Урманцев, отбрасывая за собой серую пятиметровую тень. Из-за спины доносятся слабые всхлипы и жалобы Цыганкова. Господи, когда все это кончится? – спросил себя Климов.

В эту минуту захотелось сбросить с плеча сидор, лечь на ледяную корку и тут же умереть. Словно откликаясь на эту мысль откуда-то из-за спины застонал Цыганков.

– Я сейчас сдохну. Твари вы... Сдохну... Параша... Куда мы идем?

Глава пятая

Всю ночь и утро Маргарита Алексеевна Климова просидела за столом, разглядывая в окно сто раз виденное бескрайнее черное поле, заросшее сорными кустами, местами покрытое белыми проплешинами снега.

Вдоль поля тянулась тропка, по которой не прошел ни один человек. Прошлой ночью, возможно, именно по этой тропинке сюда должен был придти муж Дима. Таков был уговор: Урманцев и Климов бросят «газик», не доехав до Ижмы приблизительно километров десять-пятнадцать. Прячут машину в укромном месте, а если такое место не попадется, сжигают её к чертовой матери. Чтобы след беглецов не взяли собаки, сыпят махорки. Остальную часть пути идут пешком. К дому подходят ночь или под утро, обязательно в глухое время, а не днем. Стучат в одно из окон с задней стороны.

Если Климов и Урманцев не появляются в эти две ночи последних чисел мая, значит, побег провалился. Ждать больше нельзя из соображений собственной безопасности, Маргарита Алексеевна, не медля ни часа, уезжает из Ижмы. Таков железный уговор. Обещание уехать она дала мужу на последнем свидании и, разумеется, не собирается нарушать слова.

Всю ночь Маргарита Алексеевна не сомкнула глаз, сидела у окна, глаза на поле. Под утро поставила локти на стол, опустила голову на раскрытые ладони и неожиданно задремала. И проснулась лишь в пятом часу, когда локти упали со стола.

С минуты пробуждения стала мучиться догадками и страхами. Вдруг муж вместе с Урманцевым приходили к дому в то время, когда она заснула. Окна высоко, потому что дом стоит на столбах, пол по северному обычаю высоко приподнят, между ним и землей, оборудовано хозяйственное помещение, подклет. Там хранится кое-какой инвентарь, летом можно держать свинью.

Так вот, Дима и Урманцев постояли у окна, не найдя лестницы, полезли в подклет, который не запирается на замок, а на деревянную закрутку. Теперь сидят там среди хозяйской рухляди, боятся выйти на улицу, думают, что проснулись люди. Ждут следующей ночи.

И как столь простая мысль, что окно высоко, до него не дотянуться человеку, не пришла в голову раньше? В пять тридцать утра Маргарита Алексеевна вышла из комнаты, прокрадась сенями к входной двери, спустилась с высокого крыльца. Она обошла дом, остановилась перед своими окнами: нагнувшись, открыла низкую дверь подклети, пробралась под дом.

Темно, грудой навалены дрова, стоит прохудившийся житник, короб под зерно, валяются ржавые вилы, лопата, сломанное коромысло, веретено, пахнет свинными нечистотами и пылью.

– Дима, Дима, – тихо позвала она. – Ты здесь?

Никого, и ни звука в ответ. Маргарита Алексеевна вылезла наружу, обошла двор, обнесенный забором из остроконечных жердей, нашла длинную палку, положила её под окном. Чтобы муж, когда придет, догадался дотянуться этой палкой до стекла. Климова вернулась в комнату, снова уселась у окна, хорошо понимая, что ночное время уже вышло, ждать гостей не имеет смысла.

В девять утра в дверь постучала хозяйка дома пенсионерка Валентина Николаевна Петухова, крикнула Климову на свою половину пить чай. Маргарита Алексеевна глянула на часы и вежливо отказалась.

Сергей Сергеевич, муж хозяйки, ещё в это время ещё не ушел на работу в котельную. Хозяйка женщина простая, не слишком любопытная, но этот востроносый плешивый дядя Сережа, который моложе жены на добрый десяток лет, действует на нервы. Мужик сдви-

нулся на сексуальном вопросе. Ночами смотрит какую-то порнографию на виде кассетах, однажды даже подглядывал через окошко за постоялицей, когда та мылась в баньке.

Но главное, вечно сует нос не в свои дела, пристаёт с расспросами. Климова не скрывала, что её муж отбывает срок в колонии. Она объяснила хозяйке, что ждет второго трехсуточного свидания с мужем, потому что прожить здесь два-три месяца дешевле и спокойнее, чем мотаться туда обратно в Москву. А в поселке при зоне не остановилась, потому что там хороших комнат не найти, все сданы вперед на полгода женам и матерям заключенных. Последнее утверждение – чистая правда.

Казалось бы, тема исчерпана, закрыта, но настырный Сергеич все приставал с вопросами.

«А по какой статье сидит муж?», – спросит и, выставив вперед ухо, ждет ответа. «За хищение госсобственности», – соврет Климова. «А-а-а, вот оно как, – многозначительно кивнет Сергей Сергеевич и заметит. – По нынешним временам надо много наворовать этой собственности. Очень много. Иначе не посадят». Подумает, подумает. И снова лезет с вопросом: «И долго ему ещё чалиться? В смысле, сроку много мотать?» «Отстаньте, дядя Сережа», – морщилась Климова. Сергей Сергеевич кривил в змеиной улыбочке тонкие губы: «Зачем ты так разговариваешь? Со мной лучше по-хорошему».

Маргарита Алексеевна создавала: эти вопросы, вроде бы безобидные, таят в себе какую-то до конца не понятую ей опасность. Сейчас она с радостью сменила бы адрес, нашла другую комнату, пусть хуже. Пусть сырую, холодную. Но поздно переезжать, слишком поздно.

Как поняла Климова из разговоров, сам Сергей Сергеевич дважды мотал долгие срока прежде чем набрался хоть какого-то ума. Впрочем, тут ничего удивительного нет, более половины здешних мужиков имеют зэковский стаж.

Последний раз Сергей Сергеевич выписался из санатория и не поехал обратно на большую зону, потому что там его никто не ждал. Зацепился здесь, приглядев себе немолодую жену с добрым домом, устроился истопником в котельную. Хоть на краю света, в Ижме дом, зато свой. Работа кормит, плюс хороший доход от сдачи комнаты, да пенсия жены, которой Сергей Сергеевич распоряжался, как своей.

* * *

В сенях загрохотал корыто, послышались тяжелые шаги. Хлопнула дверь. Это хозяин, наконец, смотался в свою кочегарку.

Маргарита Алексеевна встала, пошла на хозяйскую половину, решив: чашка кофе сейчас – как раз то, что надо. Петухова плохо видела, поэтому редко включала телевизор. Сейчас хозяйка, укутавшись в теплый платок, пила чай из блюдечка и слушала программу по транзисторному радиоприемнику, настроенному на местную станцию. Маргарита Алексеевна поставила на стол банку растворимого кофе, положила пакетик с конфетами.

– Какие новости? – спросила она хозяйку.

Валентина Николаевна обрадовалась вопросу, теперь есть о чем поговорить.

– Передавали по радио, что вчера уголь в поселок привезли. Для бани, для школы. Вроде как плохо их топят. Замерзли черти. Вот сегодня работы моему Сергеичу будет много. Поставят на разгрузку, как в прошлый раз. Придет ни живой, ни мертвый. У него спина больная.

Климова пила кофе и равнодушно слушала хозяйку. Проблемы завезенного в поселок угля, больная спина Сергеича интересовали её не больше, чем судьба прошлогоднего снега.

Полтора месяца назад, в середине апреля, Климова сняла комнату здесь на Пионерской улице, на самой окраине Ижмы. Перед тем, как заплатить хозяйке за два месяца вперед Кли-

мова осмотрела немало ижминских домов, решив, что этот подходит для её цели идеально. Срубленный из целиковых бревен ели, старый дом стоял обособлено, на выезде из поселка, протянувшись длинной стороной вдоль улицы. Тесовая крыша с годами прогнила, но тес Сергеич покрыл сверху листовым железом, на углы дома и окна заказал у мастера наличники с накладной резьбой. Теперь дом смотрелся, как новенький.

Оттуда же, с улицы, был устроен вход в сени, поделенные на две половины загородкой. С ближней стороны дверь в хозяйскую половину. Дальняя дверь вела в большую комнату, которую сняла Маргарита Алексеевна. Хозяйскую половину отделяла от Климовой толстая стена из круглого леса. В её комнате всегда тихо, там есть все, что нужно для жизни.

Стоит отдельная металлическая печка, колено трубы выходит в форточку, в углу газовая плита, над ней полки с посудой. На стене над кроватью роскошная по здешним понятиям вещь: синтетический цветной ковер с белым лебедем и принцессой на берегу пруда. Блестит никелем спинка металлической кровати, веселые занавесочки на окнах, стол покрыт плюшевой скатертью. Эти старомодные предметы создают некое подобие семейного уюта. Но семьи у Маргариты Алексеевны нет уже два с половиной года, а вот теперь и этому видимому благополучию чужого дома пришел конец.

Если Дима и Урманцев не появятся здесь следующей ночью, нужно трогаться с места, добираться до Москвы. А что будет там? Опять сидеть на месте, мучиться неизвестностью? А может, на свой страх и риск съездить в жилой поселок, что стоит возле зоны?

Но Климов строго запретил жене наводить справки о побеге. И уж тем более приезжать в поселок. Но что с того? Риск не так уж велик. Если договориться за хорошие деньги с кем-то из местных водителей, уже к вечеру сегодняшнего дня будешь на месте. А там, в поселке, каждая собака наверняка знает о побеге. Удался он или... Нет, о плохом лучше не думать.

Между тем, Валентина Николаевна рассказывала какую-то новую историю, уже не про уголь, услышанную по радио.

– Так вот, они убили милиционера и поехали дальше на «газике».

Последние слова хозяйки вывели Климову из глубокой задумчивости.

– Что, что? Прости, тетя Валя, я не слушала.

– Я говорю, по радио передавали, ну, вроде объявления. Оповещают население. Мол, если что, в милицию сообщайте. Позавчера поздно ночью пять заключенных из колонии убежали на машине.

Сердце Климовой екнуло и куда-то провалилось.

– Пятеро? – переспросила она, будто плохо слышала.

– Ну, я и говорю, пятеро, – кивнула Валентина Николаевна. – Проехали уж много километров. В аккурат выезжают они из леса, а их там милиционер участковый останавливает. Видать, команду получил их задержать. Так они его пристукнули и дальше поехали. Теперь вот их ищут, всю милицию на ноги подняли. И солдат тоже.

– Как это, милиционера пристукнули?

Тетя Валя бросила в раскрытую пасть кусок колотого сахара, шумно отпила чай из блюдца.

– А так, насмерть пристукнули. Забили его бандиты чем под руку попало.

– Говорите, они на «газике» ехали?

Климова ещё не хотела, не могла поверить, что речь идет о её Диме и Урманцеве.

– На «газике», – подтвердили памятливая тетя Валя. – И первые две цифры номера будто бы восьмерки. Теперь им крышка, бандитам тем. Не знаю уж, как там у вас в Москве... Но у нас законы строгие, когда милиционеров тюкают. Тут пощады не проси. Этих гадов живыми редко берут.

Первые восьмерки в номере... Чашка задрожала в руке Климовой, недопитый кофе расплескался на клеенку. Кажется, она побледнела. Тетя Валя, хоть и слеповата, заметила перемену в лице жилички.

– Что это с тобой, Рита?

Маргарита Алексеевна прижала ко лбу холодную ладонь.

– Сердце заболело. Я пойду прилягу.

– Ты не волнуйся, Рита. Господи, да те заключенные даже не в нашем районе побег-то устроили. Постоянно они бегают, а их ловят. Господи, их поймают и убьют. Ты-то что ты расстроилась? Тебе что за дело?

Маргарита Алексеевна не дослушала, поднялась из-за стола, вышла в сени, постояла пять минут, чувствуя, как пол плывет под ногами. Вошла в свою комнату, сбросила покрывало с кровати, не раздеваясь, в спортивном костюме, легла, накрылась с головой одеялом.

«Все кончено, – сказала себе Маргарита Алексеевна. – Они убили милиционера. Господи, как они могли? Что теперь делать? Уезжать? Это предательство, удрать именно сейчас, в критический, самый важный момент. Ведь их ещё не поймали. Еще есть шанс».

Сбросив с себя одеяло, Климова села на кровати. «Нет никакого шанса», – поправила она себя. «Их поймают и убьют», – вспомнились слова хозяйки. Конечно, убьют. А если и пощадят, то упрячут за решетку на всю оставшуюся жизнь. Разумеется, и её не оставят в покое. Ясно, у беглецов есть сообщник. Может быть, нужно прямо сейчас, не медля ни минуты, избавиться от липовых документов, новых паспортов для мужа и Урманцева? Разжечь огонь в печке и бросить в него бумаги?

Климова села к столу, обхватила голову руками.

После пятиминутного раздумья решила подождать ещё сутки. По местному радио передадут новую информацию. Она узнает, что и как, а там видно будет. Там уж она примет решение. Но как вести себя с хозяйкой? Спокойно, будто ничего не случилось, будто она, Рита, внезапно почувствовала недомогание за чаем. С кем не бывает? Здоровье у Маргариты Алексеевны не лошадиное. А на тот побег ей чихать мокрым носом.

Наверняка тетя Валя за ужином расскажет своему Сергеичу, что Рите стало плохо с сердцем, когда за чаем речь зашла о беглых эках и убийстве милиционера.

Хозяин, черт приставучий, начнет клеиться, как банный лист, со своим поганым блатным говорком: «Рита, ты не сказала, в каком санатории отдыхает твой муж. В каком? Не в том ли, где эки капусту порубили? А твоего среди них не было? Точно?» Что ж, она будет спокойна, она пройдет и через это.

Маргарита Алексеевна вернулась на кровать, уткнулась в подушку и разрыдалась.

* * *

Урманцев дал сигнал к остановке в пять утра, когда подошли к широкому замерзшему болоту, заросшему вдоль берега низкорослым ивняком, голубикой и багульником, ещё не сбросившим с себя прошлогодние рыжие листья. Если огибать болото берегом, значит, дать крюк километра четыре, не меньше. Урманцев пару минут сосредоточено думал, что делать дальше, наступал сапогом на лед, ломкий с краю, разглядывал дальний берег.

– Пойдем напрямик, – решил он. – Вроде бы лед толстый.

– Вроде бы, – бездумно повторил Климов, он так устал после ночного перехода, что потерял способность соображать.

Цыганков топтался за спиной Климова, смолил самокрутку, пытался возражать, но его никто не слушал. Первым пошел Урманцев, за ним Климов.

Переход через болото оказался делом опасным. Истончившийся по весне лед прогибался, пружинил под ногами, как упругий батут, покрывался мелкими трещинами. Того и гляди проломится, не выдержав тяжести человека.

Теперь Климов, боясь провалиться, не шел за Урманцевым след в след, а выбрал параллельный маршрут. Климов ставил сапог не каблуком, чтобы не взломать лед, а всей подошвой, понимая: если провалишься в вязкую сапропель, так и останешься там, трясина за минуту затянет в себя человека. И выйдут на поверхность лишь грязные пузыри.

Видимо, когда-то болото было озером. Но с годами по берегам выросла моховая сплавина, а в котловине образовался толстый пласт ила. Озеро обмельчало, прибрежная растительность медленно, год за годом продвинулась к его середине. И вот, наконец, образовалась многокилометровая непроходимая летом и ранней осенью топь, над которой в теплое время кружили тучи комаров и гнуса.

Цыганков долго стоял на берегу махал руками.

– Я дальше не пойду, – кричал он. – Я ещё жить хочу. Мать вашу, пропадите сами. Без меня. Сволочи вы...

Урманцев даже не оглянулся назад. Цыганков, увидев, что Урманцев, а за ним и Климов, спокойно прошли первые метров двести и не провалились под лед, замолчал, медленно тронулся за ними. Он шагал по льду, как солдат по минному полю, осторожно выбирая место для следующего шага.

На середине болота Климов остановился, перебрал на другое плечо мешок, снял шапку, вытер ладонью вспотевший от напряжения лоб. С этого места ледовая поверхность сделалась совсем иной, стали выглядывать из-под корки льда болотные кочки, покрытые порослью ивняка и ольшаника, заросшие очесом, многолетним толстым слоем рыжего омертвевшего мха. Сам лед совсем истончился, на его поверхности проступили черные лужицы застоявшейся воды.

Здесь Урманцев пошел медленнее, Климов тоже сбавил шаг и мысленно позвал на помощь Бога.

Он думал, что возможно, дно окрестных болот ещё с незапамятных времен выложено человеческими костями и черепами таких, как он бродяг, беглых каторжников, заблудившихся путников. От этих мыслей по спине бежали крупные муравьи, а на ногах шевелились волосы. Климов шагал, мысленно намечая маршрут, держался ближе к кочкам. Если лед провалиться, остается хоть какой-то шанс. Можно броситься вперед, зацепиться руками за кусты и спастись.

Несколько раз Климов скользил гладкими подметками сапог по льду и только чудом не упал. Но все обошлось.

Дальше пошли заросли сохлого низкорослого камыша, за ними уже началась земля, мягкая торфяная почва. Прошли ещё метров триста и выбрались на сухое место среди кустарниковых зарослей. Только на другом берегу Климов понял, что самое страшное уже позади, что во время этого перехода через болото ему не суждено было погибнуть.

– Отдохнем, – Урманцев выдохся.

Он сел на мешок и, скрутив самокрутку, пустил дым.

Климов против отдыха не возражал. Он сбросил с плеча мешок, опустился на землю, привалившись спиной к земляной кочке. После долгого ночного перехода не было сил наломать сухих кустов и камышей, чтобы развести огонь. Он сидел на земле, подняв голову к небу, мысли, легкие и свободные плыли, как облака.

Цыганков вышел из зарослей кустов, шатаясь от усталости. Он не дошел пяти метров до того места, где сидел Климов, упал на спину и застонал:

– Все, я подыхаю.

Климов сел, запустил руку в карман, вытащил махорку в целлофановом кульке, кусок газеты. Хотел свернуть самокрутку, но пальцы дрожали, то ли от слабости, то ли от напряжения, махру сдувал ветер, табак просыпался на землю. Климов снова лег спиной на кочку, закрыл глаза.

Тишина. Только слышно, как вдруг поднявшийся ветер шуршит сухой прошлогодней травой. Камыши заледенели на холодном ветру, сделались будто стеклянными, их развесистые венчики соприкасались и звенели похоронным звоном. А ветер все выл где-то вдалеке жалобно, словно пьяница, раздетый в ночи бандитами. Но звук человеческого голоса лишь обман расстроенного воображения. За сто верст вокруг нет ни одного живого пьяницы. Ни раздетого, ни одетого. И ни одного магазина, где продают водку тоже нет.

– Будем палатку ставить, – сказал Урманцев. – Надо поспать несколько часов. А потом идти дальше.

Климов чувствовал, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Преодолевая себя, он сел.

– Где мы находимся?

– Хрен его знает, – неожиданно признался Урманцев. – По моим расчетам, мы ещё три часа назад должны были выйти к реке. А дальше пошли бы вверх по течению и следующей ночью наверняка вышли к Ижме. Но никакой реки в помине нет. Одни чертовы болота.

Климов забыл про усталость.

– Тогда нам надо идти, а не отдыхать, – сказал он. – Надо быть в Ижме на рассвете завтрашнего дня. Во что бы то ни стало. Это самый крайний срок. Если мы не успеем, считай, все было напрасно. Мы останемся без денег, без документов, без всего. Она уедет, тогда...

– Знаю, – поморщился Урманцев. – Уедет. И правильно сделает – такой уговор. А не уедет, так сидит надолго в женскую зону. И не её вина, что все паскудно вышло. Ты говоришь, надо дальше идти. А ты долго ещё пройдёшь без отдыха? Ну, пусть на пару часов тебя хватит. А дальше? Мне мешок бросить и тебя нести?

– Джем, – крикнул Урманцев. – Умеешь палатку ставить? Не лежи на земле. Застудишься, дурак.

Молчание. Цыганков, перевернулся со спины на бок, подогнул колени к животу. Уши меховой шапки опущены, воротник бушлата поднят, руки спрятаны за пазухой. Кажется он видел седьмой сон.

Костер взялся разводить Климов. Он настрогал ножом растопку, щепки и стружки с сухих кустов. Уложил растопку шалашиком, достал из мешка огарок свечи, срезал кончик. Сантиметровый обрезок свечи засунул в середину растопки, чиркнул спичкой. Свеча зажгла щепки, через пару минут слабый костерок начал мало помалу разгораться.

Тем временем Урманцев нарезал толстые квадраты рыжего мха, разложил их на земле, вверху расстелил пол двухскатной палатки, закрепил его кольшками. Сломал пару сухостойных осинков, воткнул острые концы в землю, приспособив эти дрова под стойки.

Покончив с костром, Климов взялся держать опорные стойки, пока Урманцев закреплял оттяжки палатки, привязывал их к кольшкам. Наконец, палатку установили, присели к костру, развязали мешок с харчами. Сняли сырые портянки, бросили их в огонь, натянули сухие шерстяные носки. В эту минуту Цыганков, что-то почуяв, проснулся как по команде, встал, пересел ближе к Урманцеву, растопырил перед огнем пальцы.

Сегодняшний завтрак сильно напоминал вчерашний ужин. На нос по четыре воблы, три сухаря, да пару горстей сушеной каши. А на запивку мутная водица из растопленного снега. Цыганкову в наказание достались только две рыбки: ночью он сачковал, не тащил ни палатку, ни мешок.

– Дай ещё хоть одну воблу, – попросил Цыганков.

Урманцев отрицательно покачал головой.

– Обойдешься. Наш мальчик поел кашки – и хватит, – Урманцев хотел рассмеяться, но вместо этого закашлялся. – Вкусная кашка?

– Да пошел ты, – вяло огрызнулся Цыганков.

Клацая зубами, он проглотил скудную пищу и, чтобы согреться и избавиться от сосущего нутро голода, закрутил самокрутку. Он больше не хвастался вышитым заочницей кисетом, не жаловался и вообще не разговаривал.

Скулив козью ножку, встал на карачки, полез в палатку, устроился на мягком брезентовом полу и тут же захрапел. За ним последовал Климов, занявший место посередине. В палатке было так же холодно, как на улице, но здесь не дул ветер, а сухой мох грел грудь и живот, как добрый ватный матрас. Урманцев залез в палатку последним, положил мешки вдоль ног, застегнул полог. Климов уже спал, чувствуя плечом тепло Цыганкова.

Сны Климова были беспокойными, он заново переживал страхи прошедшего дня и ночи. Он растерял всех спутников, заблудился в незнакомой местности, при переходе через болото провалился под лед и едва не погиб, в довершении всего потерял мешок с едой и остался без куска хлеба.

Климов проснулся оттого, что услышал завывания ветра, качающего палатку, а какую-то тихую возню, будто мыши скреблись над ухом. Наконец, звуки затихли. Климов сел, справа от него лежал на животе и посапывал Урманцев. Полог палатки расстегнут, а Цыганкова рядом нет.

И мешки исчезли. Климов толкнул в бок Урманцева. Тот, совершив секундный переход от сна к бодрствованию, сел, огляделся, за мгновение понял, что случилось. Выглянул наружу, перебирая коленями, выбрался из палатки, вскочил на ноги, озираясь бешеными глазами.

Судя по всему, Климов проснулся вовремя, Цыганков не ушел далеко.

– Стой, сука, – заорал Урманцев.

* * *

Климов откинул полог, он увидел, как Цыганков, набросив лямки мешков на плечи, шагал к дальним кустам. Услышав окрик Урманцева, парень бросил свою ношу на землю, повернулся на голос. Урманцев бросился к Цыганкову, но остановился, не добежав трех метров.

Цыганков выхватил из-за пазухи самодельный нож. Клинок длинный вырублен зубилом из совковой лопаты, заточен и закален. Чирикни таким по животу, кишки вывалятся. Рукоятка деревянная с упором для большого пальца. Цыганков держал нож прямым хватом, рассчитывая нанести удар противнику в нижнюю часть туловища, выше лобка.

Цыганков был ниже Урманцева ростом, не широк в кости. Однако он был довольно мускулист и молод, едва не в сыновья годился Урманцеву. Климов твердо решил, что перевес за Цыганковым, он кончит схватку парой ударов своего страшного самодельного ножа.

Климов, стоя на карачках, задрал голову кверху и замер на месте. Цыганков шагнул вперед, но Урманцев почему-то не отступил. Дистанция сократилась до трех шагов. До двух... Можно бить. Цыганков попытался совершить укол, но Урманцев легко ушел в сторону. Климов, стоя на карачках, пополз было к мужикам, но в нерешительности остановился на пол дороге.

Урманцев выставил вперед предплечья. Цыганков чуть нагнулся, выбросил руку с ножом, целя в живот. То ли Цыганков утомился больше остальных после ночного перехода, то ли окончательно не проснулся, но его действия оказались слишком плавными, медленными, а, главное, предсказуемыми.

Когда он начал новую атаку, Урманцев выставил левое предплечье навстречу удару, легко захватил голую руку противника, далеко вылезшую из рукава бушлата. Вывернул кисть наружу.

Нож вывалился из раскрытых пальцев. Цыганков выхватил руку, но остался без оружия.

– Падла, – прошипел Цыганков – Секель овечий.

Климов пришел в чувство. Он хотел подобрать нож с земли, забросить его в кусты или спрятать в кармане, но быстро понял, что к противникам, между которыми и лежал нож, близко не подступиться.

Тогда он встал на ноги, попытался зайти за спину Цыганкову. Климов решил сзади броситься на шею Цыганкова, повиснуть на спине, повалить. Но парень, уловил это движение и поймал Климова на встречном движении. Когда Климов бросился вперед, Цыганков выставил ногу и ловко лягнул его в пах. Климов отлетел в сторону, в глазах потемнело, в черном пространстве запрыгали звездочки. Он упал на колени, обхватив руками болезненное место.

Урманцев воспользовался моментом, сократив дистанцию, ударил Цыганкова кулаком в грудь, выбив из нутра странный пустой звук. Чтобы закрепить успех, прямой правой ногой хотел врезать в колено, сбить противника с ног, но Цыганков успел повернуться боком.

Острый рант сапога попал в голень, рассек кожу под брюками. Цыганков, зашипел, как сало на горячей сковородке, но устоял, не сдался. В ответ он поднял колено, выпрямил ногу и довольно чувствительно пнул Урманцева в бедро всей подошвой сапога. Урманцев, потеряв равновесие, качнулся.

Цыганков шагнул вперед без замаха врезал кулаком выше глаза, попав костяшками в бровь. Из рассечения брызнула кровь. Цыганков ударил слава, в скулу. Урманцев снова не успел уйти, попал на кулак. Голова мотнулась в сторону. Урманцев поднял предплечья, защищая лицо от ударов.

Климов, оставаясь стоять на коленях, открыл глаза.

Все, бой проигран, – решил он. Превозмогая боль, попытался подняться, чтобы повторить первую неудачную попытку. Но тут Цыганков совершил главную ошибку. Нагнулся, пытаясь схватить с земли выпавший нож. Урманцев со всего размаху ударил его носком сапога в левую сторону груди, под сердце. От удара шапка слетела с головы Цыганкова. Вскрикнув, он повалился на бок, перевернулся на спину.

И тут Урманцев прыгнул коленями ему на живот, прижал к земле. Один за другим занес кулаки и поочередно вlepил их в лицо Цыганкова, вырубив его в четыре удара.

Глава шестая

Урманцев дышал тяжело, изо рта валил густой пар.

Он поднялся, стер ладонью кровь, сочившуюся из рассеченной брови, снова шагнул к Цыганкову. Отставил правую ногу назад. Минуту Урманцев стоял над поверженным противником, раздумывая, добить ли его ударом каблука в висок. Или подарить жизнь.

Урманцев вопросительно глянул на Климова.

– Ну, что скажешь?

– Нет, нет и нет.

– Что ж, пусть живет. Пока.

Урманцев отступил, подобрал с земли нож, сунул за пазуху. Климов встал на колени перед Цыганковым, потормошил его за плечо, похлопал ладонью по щекам. Тот продолжал лежать на спине, постанывая и пуская изо рта слюни. Климов пальцами поднял веки Цыганкова. Зрачки в глазницах закатились ко лбу, радужка глаз из голубой сделалась темно-серой.

– Кажется он в глубоком обмороке, – сказал Климов.

– Притворяется, гад, – отозвался Урманцев.

Он уже свернул палатку, засунул её в чехол, подошел к Цыганкову и ударил его носком сапога в плечо.

– Встаешь или мы идем дальше без тебя?

– Встаю.

Цыганков неожиданно ожил, сел, сплюнул кровью и по-детски захныкал. Под его левым глазом наливался багровый, как вареная свекла, бесформенный синяк.

– Вы меня чуть не убили... На вас, сволочей, моего отца тут нет. Знаете он у меня какой? Могучий человек. Кованую кочергу узлом заворачивает. А потом обратно разворачивает. Вам бы он кровь пустил из всех дыр. Из промежности и ушей. Ничего, ещё познакомьтесь. Будете у него землю жрать...

Урманцев забросил за плечи лямки мешка и пошел вперед, продираясь сквозь кусты. Климов поднял второй мешок.

Цыганков встал, ему досталось нести палатку в чехле, чтобы дорогой не смог своровать из мешка воблу или сухари. Климов замерз во сне и стал немного согреваться только когда прошли первый километр пути. Цыганков шел сзади, отстав на десять шагов, посылал проклятья и вслух вспоминал отца.

– Ничего, ещё познакомьтесь с моим батей, – угрожал Цыганков, который своего отца не видел даже на фотографии. – Гробы заранее купите. Только я думаю, хоронить нечего будет кроме дерьма...

* * *

Климов брел, понунив голову. «Господи, когда же все это случилось?» – спрашивал он себя. Климов помнил все даты, очередность событий, приведших его и двух отпетых уголовников сюда, на окраину земли, в эту безысходность.

События, изломавшие судьбу Климова, начались теплым августовским вечером в одном из ресторанов гостиницы «Россия».

Из Тбилиси прилетел Тамаз Ашкинази, приятель Климова по институту, а ныне бизнесмен, сделавший большие деньги не перепродаже в Турцию российского мазута. Климов притащил в гостиницу Егора Островского, своего компаньона и совладельца фирмы «Тайси-плюс». То была заурядная встреча старых приятелей за бутылкой.

Рестораны в «России» так себе, не высший пилотаж. Кроме того, в зале не работал кондиционер, стояла жара, а сигаретный дым висел над столиками, как тот болотный туман. Но товарищи собрались не «Дон Периньон» пить, не кислородом дышать, просто потрепаться и глотнуть чего-нибудь покрепче. Из большого окна, возле которого стоял столик, можно было разглядеть набережную, грязно-зеленые воды Москвы реки, на другом берегу трубы тепловой станции, пускающие серый дым в раскаленное летнее небо.

Помнится, было весело.

Грузин Ашкинази, как всегда, рассказывал еврейские анекдоты. Островский в этот вечер тоже был в ударе, он травил байки из жизни, которые куда смешнее анекдотов. Климов ржал так, что тряслись стаканы на столе.

Когда на улице зажгли фонари, юмор стал доходить туго, Климов здорово осовел от жары и водки, пошел в туалет и умылся холодной водой. Когда вернулся, Островский подзывал официанта и отправил бутылку шампанского на соседний столик. Рядом сидели две девушки, симпатичные, свеженьки и счастливые, словно студентки, сдавшие вступительные экзамены.

Проститня, – мрачно отметил Климов и отвернулся.

Но Островский проявил активность. Он приземлился на свободный стул, завел с девицами разговор. Через четверть часа девушки пересели за их столик. Рядом с Климовым оказалась блондиночка в красном платье.

А дальше все пошло по накатанной дорожке. Вспоминать скучно этот примитивный кадр. «Девушка, а вы верите в судьбу? А в любовь с первого взгляда? Хорошо, давай на „ты“. Возраст не имеет значения. С утра у меня было ощущение, что встречу именно тебя», – пошлые банальности сыпались из Климова, словно крупа из худого мешка.

Но рыбка клюнула и на эту неаппетитную наживку.

Как же её звали? Лена Меркина. Впрочем, фамилию той девушки Климов узнал гораздо позже, только вечером следующего дня. Через час после знакомства Лена была готова на все или почти на все.

Ашкинази наклонился к уху Климова. «Давай, действуй, – прошептал Тамаз. – Располагайся у меня в номере. Я вернусь завтра утром». И опустил ключ в карман пиджака. «А ты куда денешься?» – тупо спросил Климов. «Обо мне не беспокойся, – ответил Тамаз. – В Москве столько людей ждет встречи со мной. А завтра вечером я улетаю в Тюмень. Смотри-ка, Островский уже заклеил вторую девчонку. Спорю на рубль, что через четверть часа он уйдет с ней под ручку. Островскому легче, чем тебе. Он держит для интимных встреч съемную квартиру».

Климов смотрел, как сидевший напротив него Островский, склонившись к уху другой девчонки, горячо шептал какие-то слова. Климов ещё сомневался. Несколько минут он напряженно взвешивал все «за и „против“».

Стоит ли размениваться на сомнительные варианты, идти в номер с незнакомой девушкой, залезать с ней в постель и совершать лишние телодвижения? Тем более в такую-то жару? Климов женатый человек, он любит свою супругу и верен ей. Точнее, старается сохранять верность, хотя соблюсти её не всегда удается. Наконец, он солидный бизнесмен, его репутация дорогого стоит. Климов запустил руку в карман, чтобы вернуть ключ Тамазу.

Но тут бес искушения лягнул своим железным копытом прямо в слабое человеческое сердце. Девочка была очень ничего из себя. Ножки и все остальное... И ещё это красное платье, рождающее в мужской душе смелые эротические мотивы. Глубокий вырез, нитки жемчуга на шее.

«Она шлюха, – сказал себе Климов. – Ты же не спишь с проститутками». «С чего ты взял, болван, что она шлюха?» – ответил хитрый бес. – Лицо этой девочки непорочно. Правда,

губки... Губки очень даже опытные. Такой шанс, а ты ведешь себя, словно импотент. Тебе не стыдно?».

Черт оказался сильнее человека, Климов сдался.

В номере он принял душ, накинул халат Тамаза, позвонил жене, сослался на срочные дела. Мол, сегодня приду очень поздно, не жди. В дверь постучали. На пороге стоял официант из ресторана, тот самый, что обслуживал их столик. Официант протянул Климову две запотевшие бутылки шампанского: «Ваши друзья прислали».

Климов решил, что шампанское – это как раз то, что надо. Он хотел дать чаевые, но официант уже показал спину. Климов сел к журнальному столику, открыл бутылку и наполнил стаканы...

* * *

Утром он проснулся совершенно разбитым, глянул на часы: одиннадцать. Давно Климов не позволял себе столь продолжительного сна. Лежа на измятой постели, он пристально рассматривал низкий потолок и восстанавливал в памяти события вчерашнего вечера. Вспомнился Ашкинази с его анекдотами, Островский, посадивший за их столик двух девиц. Дальнейшие события растворились во мраке беспамятства.

Кстати, а где же Лена?

Ощущая тяжесть в голове, легкие позывы тошноты и головокружение, Климов сделал над собой нечеловеческое усилие. Приподнялся, спустил на пол ноги, сел на кровати и замер с открытым ртом.

Посередине номера на маленьком истертом коврикe, свернувшись как собачонка, на правом боку лежала вчерашняя подружка. Совершенного голая, если не считать белых трусиков. Лена согнулась, сложила руки на груди, подтянула колени к груди. В её горле зияла черная глубокая рана. Бордовая лужица растеклась под головой, светлые волосы плавали в крови.

Климов спрыгнул с кровати, упал на колени.

Он приподнял и снова опустил голову девушки, встал на карачки, перевернул тело на спину. Все кончено, помощь врачей уже не требуется. Вероятно, в эту минуту Климов проявил малодушие и трусость. Он перестал контролировать собственные действия. Вскочил, как ужаленный, схватил со стула мятые брюки, натянул их на себя, прыгая поочередно то на правой, то на левой ноге.

Затем взял рубашку, стал застегиваться, попадая пуговицами не в те дырки. Пальцы оказались замаранными кровью. На белой ткани проступили бурые пятна.

Он заметался по номеру, не зная, что делать, за что хвататься, куда бежать. Наступил на красное платье, валявшееся под подоконником, запутался в нем ногами, едва не грохнулся на пол. В босые ступни больно впивались раскатившиеся по полу искусственные жемчуженки из разорванных бус, ещё вчера украшающих шею девушки. Климов вбежал в ванную комнату, пустил воду и сполоснул руки. Из ванны он бросился в коридор, выскочив за дверь, нос к носу столкнулся с горничной, разносившей по номерам чистое белье.

Вероятно, Климов имел дикий пугающий вид. Всклоченные волосы, округлившиеся от ужаса глаза, замаранная кровью рубашка. Он что-то мычал, махал руками...

Горничная вскрикнула, бросила на пол стопку белья и помчалась в дальний конец коридора, к столику дежурной. Выскочил прямо из-под ног Климова, шархнулся в сторону и побежал в следом за горничной какой-то косоглазый мужик в темном костюме и с любительской кинокамерой через плечо.

Климов постоял минуту, вернулся в номер.

Сел в кресло и отметил про себя: со вчерашнего вечера здесь что-то изменилось. Ах, да... Неизвестно куда исчезли две бутылки шампанского, которые принес из кабака официант. Одна бутылка открытая, к другой Климов не прикасался. И стаканов нет...

Но думать о таких пустяках уже не досуг.

В номер вошли два охранника в штатском и капитан милиции. Люди остановились на пороге номера и стали тупо таращиться на мертвую девушку. Первым обрел дар речи милиционер. «Что тут произошло?» – капитан шагнул вперед. Вопрос прозвучал настолько глупо, что Климов неожиданно засмеялся, залился истерическим безостановочным смехом.

* * *

К полудню путники пересекли ровную пустошь.

Здесь, на открытой местности, ветер разошелся не на шутку. От его порывов перехватывало дух, слезились глаза. Ветер бросал в человеческие лица колкие снежинки, задувал то слева, то справа. Климов насилу передвигал занемевшие усталые ноги. К его физическим страданиям теперь добавились страдания душевные.

Климов теперь был твердо убежден, что добраться к назначенному времени до Ижмы они не смогут. И Урманцев, разумеется, знает, что они не успевают к сроку. В таком случае, куда же они направляются? Ответ на этот вопрос знает лишь Урманцев, но он молчит. Возможно, планирует долго, целыми неделями плутать по лесотундре, запутывая следы. Если так, что они будут есть все это время, чем питаться? Мешки только кажутся большими, на самом деле еды в них осталось на три дня похода. А дальше?

И тут Климова осенило. Словно вспышка молнии разрушила мрак беспроекторной ночи.

Урманцев сегодня имел возможность убить Цыганкова одним ударом сапога. Но не убил, оставил жить, потащил с собой лишний рот. И пощадил Цыганкова вовсе не потому, что Климов сказал слово в защиту парня. Значит... Урманцев планирует убить Цыганкова позднее, когда закончатся харчи. Убить и разделать на части тем самым самодельным ножом.

Климов мерил шагами бескрайнее пространство и безучастно думал: «Первым Урманцев съест Цыганкова. А дальше моя очередь стать шашлыком. Именно шашлыком, потому что котелка у нас нет. Мясной бульон из меня не сварить. Но это произойдет через неделю, не раньше. К тому времени я настолько выдохнусь, так устану, что даже не вскрикну, когда он станет резать мое горло. Чего доброго еще и „спасибо“ скажу».

Сзади, все больше отставая, плелся Цыганков.

Его мучили не физическая усталость и не страшные мысли. Цыганкова мучил голод. Он то и дело нагибался к земле, срывал свежие побеги ягеля, напоминавшие вкусом морскую капусту. Мох рассыпался в пальцах на мелкие шарики, Цыганков совал шарики в рот, тщательно пережевывал и глотал. Ягель годился в пищу только оленям, но он быстро набивал и человеческий желудок, создавая иллюзию сытости.

После полудня Цыганкова первый раз вытошнило.

Он сбросил на землю палатку, опустился на корточки, вытянул вперед голову. Первым остановился Урманцев. Климов тоже встал, оглянулся назад. Он наблюдал, как густая бело-зеленая кашица лезет изо рта Цыганкова, словно нечистоты их канализационной трубы. Минут десять ждали, пока Цыганков придет в себя, наконец, тронусь в путь.

Еще через полчаса желудок Цыганкова забурлил, заклокотал и окончательно расстроился. Цыганков останавливался каждые десять минут, спускал с себя штаны и присаживался на корточки, подставляя ледяному ветру нежный зад. Урманцев и Климов ждали, когда он облегчится. Но через уже четверть часа следовала еще одна остановка.

– Иди первым, – рывкнул Урманцев и подтолкнул Цыганкова в спину.

Ноги плохо слушались Цыганкова, парня шатало ветром. Климову пришлось нести мешок и палатку. Урманцев злился, подгонял Цыганкова пинками в зад, матерился и повторял, что если ещё раз Цыганков захочет справить нужду, ему не жить.

В половине первого вышли к асфальтовой дороге, по которой изредка, с интервалом в четверть часа, проходили машины. Залегли в придорожной канаве, подкрепились воблой и сухарями.

– Надо захватить какую-нибудь тачку и дернуть на четырех колесах в Ижму, – Климов лежал на откосе и смолил самокрутку. – Тогда успеем...

Урманцев даже не дослушал.

– И думать забудь, – ответил он. – Никакая тачка здесь не остановится. А если нас в этих бушлатах заметит кто из водителей – кранты. Водила доедет до первого мента. И нас повяжут.

Выбрав момент, когда на горизонте не было машин, перешли дорогу и скрылись в низкорослых березовых зарослях.

* * *

Лудник и Хомяков долго петляли на «газике» по бездорожью, пока не выбрались на грунтовую дорогу. Часто сверяясь с картой, проехали ещё километров сорок и, наконец, наткнулись на асфальтовую дорогу, ведущую на юг, к Ухте. Однако выезжать на магистраль Лудник не торопился, он дал обратный ход, съехал с грунтовки в мелкоколесье.

Ночь ээки провели в машине, спали по очереди.

Ранним утром перегрузили банки консервов в объемистые рюкзаки. Бросив машину в овраге, пешком дошагали до трассы. В приличной одежде, с новыми рюкзаками, Лудник и Хомяков ничем не походили на беглых ээков, напоминали, скорее одичавших геологов или артельщиков, собравшихся в город пожить неделю человеческой жизнью. В семь утра их подобрал автобус с красным логотипом «Спецстрой» вдоль кузова. В салоне дремали строители, возвращавшиеся в Ухту после месяца вахтовых работ на дальней газонапорной станции.

Новые пассажиры не вызвали подозрений водителя, даже не взявшего с них деньги за проезд.

Зэки бросили неподъемные рюкзаки в проходе, сами устроились на заднем сиденье, надвинули на носы козырьки кепок и, казалось, проспали до того момента, когда автобус поравнялся с постом дорожно-постовой службы на въезде в город. Младший лейтенант дал отмашку полосатым жезлом, автобус остановился на обочине. Милиционер поднялся в салон, взял из рук водителя путевой лист, пробежал бумажку глазами и спросил, подбирали ли автобус попутных пассажиров.

– Пассажиров? – переспросил водитель и на пару секунд задумался.

Сидевший у окна Хомяков закрыл глаза, до боли в суставах сжал кулаки. Лудник, притворяясь спящим, склонил голову набок, сквозь прищур глаз, наблюдал за происходящим, напряженно вслушивался в разговор водилы и мента. Правую руку Лудник запустил во внутренний карман куртки, большим пальцем поставил курок пистолета в положение боевого взвода.

Если милиционер подойдет к ним и спросит документы, Лудник сделает вид, что ищет ксиву в кармане и пальнет менту в живот через ткань куртки. А дальше, как Бог пошлет. Дорогой Лудник сложил в голове несколько вариантов отступления. Можно наставить пушку на строителей, высадить их из салона, развернуть автобус и постараться уйти от возможной погони. Или...

– Я пассажиров не брал, – соврал водитель. – Вообще на трассе не останавливался.

Не хотелось, чтобы милиционер отнимал время, проверяя в автобусе чьи-то документы, задавая пустые вопросы.

– Хорошо, следуйте дальше.

Лейтенант вернул водителю путевой лист. Перед тем, как выйти из автобуса, всмотрелся в лица просыпавшихся мужиков.

Вроде бы, ничего подозрительного.

Автобус тронулся в путь, через полчаса остановился перед зданием строительного треста, через дорогу открытые ворота колхозного рынка. Пассажиры один за другим, выбрались из салона. Последними оказались Лудник и Хомяков. Сориентировавшись на местности, они завернули на рынок, за полцены продали рюкзак мясных консервов какой-то женщине, торговавшей с рук моченой клюквой и сушеными грибами. Другой рюкзак облегчили у коммерческой палатки, отдав продавщице по дешевки сардины в масле.

В пивную заглядывать не рискнули, боясь облавы или проверки паспортов. Взяли бутылку водки, за пять минут раскроили её на задах летней уборной, подавились все теми же сардинами и сухарями.

Выйдя с рынка, поймали машину и отправились в другой конец города по знакомому Луднику адресу. Не доехав два квартала до нужного места, вышли из машины, оставшуюся часть пути прошли пешком. Окраинная кривая улица поднималась в горку, она была застроена убогими одноэтажными домишками, почерневшими от старости.

Лудник вошел во двор через калитку, поднялся на крыльцо, постучал кулаком в покосившуюся дверь. Дом казался нежилым. Окна где закрыты газетами, где занавешены желто-серой марлей. Лудник долго барабанил в дверь, наконец, шевельнулась марлевая занавеска, скрипнула половица. Здесь, доме семнадцать на Малой Дубовой улице, помещался притон, где проводили время воры низкого пошиба и марухи, где скупали краденое и курили дурь.

Сидя на зоне, Лудник отстал от жизни, бурные времена кильдыма на окраине Ухты остались в прошлом. Воров и барыг частью пересажали, те, что ещё на воле, не рисковали часто появляться в засвеченном месте. Теперь на малине хозяйничали местные наркоманы, которых милиция до поры до времени не трогала. Теперь усталый путник мог вмазать здесь стакан шмурдяка или уколоться.

* * *

Вечером шагая по железнодорожной насыпи, Лудник думал что, из Ухты надо уходить как можно скорее, не оставаться здесь ни одного лишнего дня.

Неписанный закон побегов гласит: чем ближе к зоне, тем больше вероятности, что менты не станут брать зэка живым, а пристрелят при задержании. Пока все складывается удачно, они с Хомяковым попадут на перрон, минуя вокзал, кишаций милицейскими патрулями. Как честные фраера, сунут проводницам деньги, сядут в разные вагоны и покатают до Вологды с комфортом.

А там, на месте, есть знакомые, которые помогут с документами, дадут денег, чтобы немного подняться. Из Вологды можно податься в Ярославль, залечь на дно, спокойно отсидеться на съемной квартире. Дальше видно будет, далеко вперед не стоит загадывать.

Лудник шел первым, за ним шагал Хомяков. Чем ближе подходили к перрону, тем беспокойнее билось сердце. Прошли железнодорожную стрелку, впереди на путях стояло несколько товарных составов. Платформы, груженные песком и щебнем, вагоны с воркутинским углем. Оглядываясь по сторонам, пошли между товарняками. В десяти метрах от Лудника из-под вагона неожиданно вылез мужик в красной жилетке.

От неожиданности Лудник вздрогнул, сунул руку в карман, обхватив рукоятку пистолета. Но бояться нечего, это чумазый железнодорожник лазил под вагонами, проверял подшипники в буксах, простукивал молотком колесные пары.

– Фу, черт, – Лудник сплюнул под ноги.

Ускорив шаг, поравнялся с рабочим, через двадцать метров оглянулся. Никого, человек в жилетке, видимо, снова полез под состав. Прошли ещё метров пятьдесят, впереди в узком коридоре между товарняками уже блеснули высокие фонари, освещавшие перрон. Словно задышалось свободнее...

И тут где-то вдалеке залаяла собака. Откуда собака здесь, на путях? Лудник не успел придумать ответ.

Заливисто тонко засвистел свисток. В первую секунду показалось, что свистит на соседнем пути локомотив или дрезина. Но Лудник ошибался. Свисток был сигналом к началу милицейской операции. Впереди, между вагонами, выросли три фигуры в серых бушлатах с автоматами наперевес.

– Бросай оружие, – рявкнул чей-то голос, показавшийся совсем близким. – Руки вверх... Встать на колени...

Шагавший сзади Хомяков остолбенел от неожиданности, оглянулся. Сзади, от хвоста товарных составов, к ним уже бежала другая группа милиционеров. Не сговариваясь, Лудник и Хомяков бросили рюкзаки, рухнули на землю, Лудник успел перевернуться, прополз под состав. Хомякову не повезло. Падая, он неудачно подвернул ногу, застонал от боли, и вместо того, чтобы броситься под состав за Лудником, встал на колени.

Треснула короткая автоматная очередь. Пули навывлет пробили грудь Хомякова, из разорванной на груди и спине куртки полетел белый пух, набитый в подкладку. Хомяков рухнул лицом на гравий.

– Го... го... господи, – выдавил из себя Хомяков и забулькал, захлебнулся хлынувшей из горла кровью.

* * *

Лудник выскочил из-под товарного состава с другой стороны, периферическим зрением уловив впереди себя какое-то движение. Он обернулся.

Прямо к нему стремительно бежала овчарка черно-серой масти. Из раскрытой пасти высовывался язык, похожий на огненный факел. В страшном оскале обнажились желтые слюнявые клыки. Еще секунда, ещё пара длинных прыжков – и конец, собачьи челюсти сомкнутся на шее человека.

Лудник выхватил пистолет и пять раз нажал на спусковой крючок, выстрелив прямо в раскрытую пасть овчарки. Собаке не хватило доли секунды. Она, оттолкнувшись мощными задними лапами от земли, уже взвилась в воздух, но не достигла цели. Первая пуля вошла ей в глотку, вторая в глаз. Три другие пули пробили широкую серую грудь.

Собака взвизгнула, проехала боком по гравия, по инерции дважды перевернулась через голову.

Милиционеры были и здесь, с двух сторон они бежали к Луднику, шелкали одиночные выстрелы. Никто больше не предлагал беглецу бросить оружие и поднять кверху лапки. Видимо, миллионеры уже не рассчитывали взять его живым. Лудник упал на колени, на карачках пополз под другой состав, выскочил из-под него, хотел метнуться вперед.

Но буквально у самого уха взревел пронзительный гудок, в лицо ударил сноп ослепительного света, загудели рельсы.

Лудник едва успел отступить. Прямо перед его носом набирал ход маневровый локомотив, вихревые потоки воздуха ударили в лицо. Локомотив промчался мимо, показав тусклые

сигнальные огни. Лудник увидел впереди себя пустые железнодорожные пути, бесконечные ряды рельсов. Товарный поезд стоял метрах в пятидесяти, за ним торчала водопроводная башня, слева виднелись какие-то длинные постройки, склады что ли. Видимо, там кончалась территория товарной станции.

Лудник побежал вперед, высоко поднимая ноги, чтобы не споткнуться о рельсы. Он наметил для себя ориентиром водопроводную башню и двинул в её сторону.

Сзади раздались хриплые голоса, Лудник оглянулся, нет ли другой собаки. Не целясь, сделал три выстрела в никуда. Патроны кончились, затвор пистолета остановился в крайнем заднем положении. На бегу Лудник нашарил запасную обойму в кармане куртки. Далеко за спиной щелкнули пистолетные выстрелы, пули просвистели где-то совсем близко. Лудник вильнул в сторону, вытащил и загнал в рукоятку пистолета снаряженную обойму.

Обернувшись, не увидел своих преследователей, он сделал ещё два выстрела наугад. Милиционеры из боязни быть подстреленными не рискнули выйти на открытое пространство. Это хорошо.

Лудник сумел добежать до товарняка, нырнул по вагон, перекатился с живота на спину, вскочил. Водонапорная вышка стояла справа, слева склады, а впереди – уходящий кверху крутой откос, на склоне которого стоял снег, обнажилась черная земля. Лудник метнулся в сторону складов, но решил, что там открытое место, прятаться негде.

Тогда он бросился к откосу, стал карабкаться кверху. Рыхлая, пропитанная влагой земля летела из-под ног, ботинки не находили твердой опоры, Лудник несколько раз падал животом на землю, пока не догадался сунуть пистолет в карман куртки. Но крутой откос все поднимался вверх и, казалось, нет ему конца. Лудник снова услышал голоса за своей спиной.

Но теперь он не обращал это внимания, карабкался и карабкался вверх. Черт, не тот маршрут он выбрал. Надо было к складам...

– Стой, – крикнули снизу. – Стреляем...

Лудник задрал голову кверху, осталось преодолеть ещё метров пять, а там... Пуля подняла фонтанчик земли прямо над головой Лудника, но не остановила его. Другая пуля легла справа. Третья обожгла ногу ниже колена, разорвала икроножную мышцу. Попали... Лудник распластался на земле.

Он хотел оттолкнуться раненой ногой, но вместо этого пропахал носом землю. Он лежал на откосе, в липкой грязи, и слушал громовые удары собственного сердца. Он чувствовал, как пропитывается горячей кровью правая брючина, как кровь наполняет ботинок.

Тут Лудник подумал, что ещё не поздно пустить пулю себе в рот. Это лучше, куда лучше, чем снова попасть на зону, где он все равно умрет, только медленно, мучительно, болезненно. Лучше уж самому...

Если повезет, он подохнет не один, прихватит с собой на тот свет хотя бы одного мента. А то и двух. Выстрелов больше не было. Снизу слышались все те же голоса, но Лудник не оборачивался. Он опустил руку в карман куртки.

Пистолета нет. Сунул руку в другой карман – пусто. Черт, видно, оружие выпало ещё там, внизу...

Голоса, громкие, разборчивые теперь доносились сверху, словно менты разговаривали над самым его ухом. Оперативники в штатском спустились к раненому, перевернули Лудника на спину, нацепили браслеты, обшарили карманы. Подхватив за куртку, под плечи, поволокли за собой, наверх.

Глава седьмая

Майор Ткаченко целые сутки не вылезал из здания администрации в поселке Молчан, он ждал известий, хороших или плохих, чтобы продолжить поиски беглецов.

Под вечер второго дня из управления внутренних дел Ухты передали, что двое беглецов, по описанию Лудник и Хомяков, обнаружены в городе. Когда оперативники пытались задержать преступников на подходе к станции, те оказали отчаянное сопротивление, пристрелили служебную собаку. При попытке к бегству Хомяков убит, Лудник ранен в ногу. Других подробностей узнать не удалось.

Приняв сообщение, Ткаченко заметно повеселел.

– Ну, лед тронулся, – он похлопал по плечу лейтенанта и приказал заводить грузовик.

Через два часа машина выбралась на трассу, по которой ранним утром катили на автобусе навстречу неприятностям Лудник и уже покойный Хомяков. Ткаченко сидел в кабине и обдумывал ситуацию.

Если оперативники задержали только двух беглецов, значит, группа разделилась. Возможно, оставшиеся на свободе преступники находятся в Ухте. Возможно, они подались на Ропчу и пытаются там сесть на товарняк или пассажирский поезд. Так или иначе, вопрос их задержания – это лишь вопрос времени. Лудника взяли живым, он сможет прояснить ситуацию, выведет следствие на своих поделщиков.

К линейному отделу милиции подъехали в начале первого ночи, но начальник, а вместе с ним следователь городской прокуратуры оказались на месте, ждали Ткаченко.

Труп Хомякова оставили на полу пустого бокса.

Лудник, которому перевязали простреленную навывлет ногу, лежал на деревянном настиле в соседней камере. Ткаченко торопился вернуться на зону с добычей. Документы оформили за полчаса, труп Хомякова солдаты перетащили в грузовик. Бросили мешки, чтобы не пачкать дно кузова трупной кровью, сверху положили тело. На Лудника надели наручники, закрутив руки за спину, вывели из камеры и бросили его в кузов, животом вниз рядом с бездыханным телом.

Не тратя времени на пустяки, тронулись в обратную дорогу.

Луднику мешка не подстелили. Он лежал на голом полу, стараясь держать голову, чтобы она не билась о днище кузова на каждом ухабе, но шея быстро занемела, сделалась непослушной. Болела простреленная нога. Скованные браслетами руки во время движения машины выворачиваются из всех суставов.

Он просил солдат и лейтенанта снять с него наручники и на каждую новую просьбу получал пинок сапогом в зад или в спину. Стоило Луднику пошевелиться, розыскная овчарка наклоняла морду к самому уху лежащего человека и грозно рычала. Собачья слюна капала на ухо и затылок.

– Сейчас она тебя яйца откусит, – наклонялся к Луднику проводник собаки. – Ты застраховал свои драгоценности? На какую сумму?

Немудреные шутки проводника вызвали бурю восторга. Сидевшие на скамейках ввээшники ржали в голос и стряхивали на задержанного сигаретный пепел. А проводник снова толкал Лудника сапогом в бок, уже готова была новая шутка.

– Тебе не жестко? А то остановимся, соломки подстелим. Ха-ха-ха.

Когда Лудник поворачивал голову направо, он видел плевки, грязные сапоги солдат и окурки, разбросанные по полу. Когда он смотрел налево, перед ним тряслось мертвое лицо Хомякова. Совершенно незнакомое, потерявшее человеческие черты лицо.

Оперативники волокли труп по путям к линейному отделу милиции, и только возле самой станции переложили покойника на носилки. Кожа содралась с висков, с подбородка и

лба, а правый глаз вытек. Оставшийся целым левый глаз был открыт и, казалось, пристально наблюдал за мучениями живого Лудника.

В эти бесконечно долгие, наполненные болью и страданиями минуты и часы Лудник завидовал мертвому. Сегодня или завтра Хомякова положат в ящик из занозистых досок, закопают на кладбище при зоне, воткнул табличку с номером в свежий холмик земли – и поминай, как звали. А ему, Луднику, ещё нужно пройти через многие мучения, перед тем он найдет покой в своем собственном не струганном ящике.

На третий час дороги Лудник перестал испытывать боль, потерял сознание.

К зоне подъехали без четверти шесть утра, загудел мотор, лязгнули приводные цепи, раздвинулись в стороны металлические створки ворот. Машина медленно вползла в шлюз, тесное огороженное со всех сторон пространство между двумя въездными воротами на зону.

Грузовик остановился на минуту, выпустил черный выхлоп, водитель нетерпеливо посигналил и стал дожидаться, когда раздвинутся вторые ворота. Но Лудник ничего не слышал и не видел, он пришел в себя, когда машину подали задом к черному ходу в административный корпус, а солдаты, взявшись за ноги, потащили его из кузова.

Лудника загнали в подвал, подталкивая в спину прикладами автоматов, ввели в «козлогонку», сняли наручники. Затем с Лудника содрали гражданскую одежду и ботинки, надолго оставили стоять совершенно голым посередине помещения. Появившийся в двери заспанный каптер бросил на пол стоптанные ботинки без шнурков, рваную на локтях арестантскую куртку и короткие шутовские штаны, не закрывавшие щиколоток, с желтой заплатой на заднице. Одежда, судя по её виду, пережила многих прежних хозяев.

– А кальсоны? – Лудник вспомнил холод карцера. – Кальсоны положено...

– Кальсоны тебе кум выдаст, – оскалился каптер.

Разумеется, он зажал кальсоны не по собственной воле. Такого неожиданного распоряжение дежурного офицера: нижнего белья не выдавать. Мало того, кальсоны отобрали у всех арестантов, помещенных в подвальные камеры административного корпуса.

В это время майор Ткаченко уже поднялся в кабинет начальника колонии Соболева и рапортовал о первых успехах: два беглеца доставлены по месту постоянной прописки. Один убит при задержании, что особого значения не имеет, другой цел и, несомненно, даст следствию показания.

– Хорошо, что даст, – Соболев показал куму на стул. – Наверное, устал в дороге?

Сам начальник колонии выглядел так, будто за ночь постарел на добрых пять лет. Сидел в своем кресле ссутулясь, лоб прорезали глубокие морщины, под глазами синева.

– Сейчас чайку крепкого выпью – и порядок, – Ткаченко не привык жаловаться начальству на плохое самочувствие. – Как у вас тут дела? Что поет Балабанов?

– В том-то и дело, что ничего не поет, – вздохнул Соболев. – И уже не запоем. Аксаев допрашивал его вечером и ночью. Затем Балабанова перевели в «стаканчик». Там он потерял сознание или только притворялся. Черт его знает. Аксаев испугался, как бы он того... Коньки не отбросил. Ну, переместили его в камеру. А Балабанов спустил с себя кальсоны, дотянулся, привязал бирючину к решетке. Затянул петлю, сел на деревянный настил и подогнул ноги... Короче, вытащили его из петли ещё теплого. Вызвали Пьяных, но врач уже ничего не смог сделать.

– М-да, дела, – почесал затылок Ткаченко.

Ясное дело, тут вина надзирателя. По уставу караульной службы он должен хотя бы время от времени заглядывать в глазок камеры. Но надзиратель, естественно, спал или играл в домино. Понятно, он тоже человек.

– Ладно, – сказал кум. – Теперь у нас есть Лудник.

* * *

Маленькое негреющее солнце, похожее на копеечную монету, зависло над горизонтом. Вечером потеплело, от болот потянуло гнилой сыростью, над землей поднялись клочья тумана.

В такую погоду можно разводить костер на открытом месте и не опасаться, что тебя издали заметит охотник или заплутавшийся в лесотундре недобрый человек.

Климов разломал на дрова сухостойную березу, загоревшуюся легко, с первой спички. Присели возле огня. Урманцев так выдохся после последнего перехода, что не нашел в себе сил сразу залезть в мешок с харчами. Наконец, мешок развязали, съели все ту же воблу, погрызли сухие макароны. Пустили по кругу закопченный кулек из фольги, напились воды из растопленного снега.

Урманцев показал пальцем на Цыганкова.

– Поставь палатку. Надо покемарить хотя бы пару часов.

– Я не умею ставить палатки, – ответил Цыганков. – Я не турист. Никогда в походы не ходил.

– Тогда какого черта я тебя кормлю? – Урманцев сжал кулаки.

– Ладно, я палатку поставлю, – встрял Климов.

Он устал не меньше других, но не хотелось, чтобы это препирательство закончилось новым мордобоем. Климов взял из руки Урманцева нож и отправился к молодым березкам, срезать палки для стоек. Настроение упало ниже нулевой отметки. Когда в одиннадцать тридцать ночи, перед привалом, путники так и не вышли к реке, стало ясно, что попасть завтрашним утром в Ижму не удастся.

Значит, жена, как было договорено, не останется там лишнего дня. В таком случае, куда они идут? И зачем? Стоит ли продолжать изнурительную борьбу, если в её конце ждет неминуемое поражение? – спрашивал себя Климов. Готового ответа не нашлось. Климов машинально расстилал на земле пол палатки, втыкал в землю колышки. «Мы проиграли, проиграли, проиграли», – стучало в голове.

Урманцев скинул сапоги, придвинул к огню босые ноги, повесил на березовой ветке пару шерстяных носков. Поднял ветку над костерком, не низко и не высоко, чтобы носки просохли быстро, но не подпалились. Носки источали пар и запах животной гнили. Урманцев мечтательно смотрел на огонь и облизывался, будто не носки коптил, а жарил шашлык из свиной вырезки.

Напортив Урманцева расположился Цыганков. Его расстроенный желудок не хотел успокаиваться, он клочкотал и бурлил. Урманцев, слушал эту музыку сколько мог, но долго так не выдержал. Вытащил из костра горящую головешку и запустил ей в лицо Цыганкова.

Тот едва успел увернуться, упал на бок.

– Не сиди от меня с подветренной стороны, вонючка паршивая, – крикнул Урманцев. – Ты своим животом собак в дальней деревне распугаешь.

Цыганкова не было сил на возражения, на новую драку. Понурия голову, он отступил от костра, сел на корточки и тоскливыми глазами стал смотреть на огонь, слишком далекий, чтобы согреть замерзшие ноги.

Закончив с палаткой, Климов подсел к огню, скурил самокрутку и полез под брезентовый полог. Он не стал снимать шапку. Подложил под голову мешок, лег, подогнул ноги к животу. Так теплее. За день он настолько устал, что, казалось, стоит лишь принять горизонтальное положение, как сразу провалишься в глубокий сон. Но сна не было.

* * *

Время от времени Цыганков задумывался: если он чудом выберется из этих топей, куда направит стопы? Это был трудный вопрос.

Мать последний раз посадили на пять лет за хищения готовой продукции с консервного завода. Цыганков делил дом на окраине Серпухова с отчимом Олегом Ивановичем. Последнее лето, что Цыганков провел вольным человеком, он работал на строительстве загородных дач.

Отчим Цыганкова, водил дружбу с неким Шипиловым, торгашом, державшим несколько продовольственных магазинов. Шипилов расширял свой загородный дом, пристраивал к нему две теплых комнаты из бруса и веранду, да ещё ремонтировал старые комнаты на втором этаже. Прошлым летом отчим по знакомству определил пасынка в строительную бригаду. В начале ноября реконструкция дома закончилась, работы не стало, но Шипилов все тянул, все не выдавал никаких денег.

Цыганков потуже затянул ремень и стал терпеливо ждать расчета. Меньше всего сейчас хотелось пойти на новый скок, грабануть магазин или склад. А потом, когда ещё не все добытые бабки пропиты, увидеть небо в крупную клеточку. Но деньги, отложенные ещё с весны, кончились.

Цыганков нашел выход из положения. Он стал торговать с лотка средствами личной гигиены, вермишелью быстрого приготовления и презервативами.

Чтобы его не узнавали знакомые и соседи, отпустил жиденькую бороденку, намотал на шею шарф. Несмотря на эту маскировку, старые приятели и соседи подходили к бородатому продавцу и здоровались. В первое время Цыганков смущался, даже краснел, затем плюнул на все условности и сбрил бороду.

Хотя торговая точка находилась на бойком месте, возле самой железнодорожной платформы, бизнес шел туго. Вермишель и презервативы худо-бедно брали, особенно по вечерам, когда народ возвращался с работы. А вот средства гигиены совсем не раскупались.

С наступлением холодов дело совсем заглохло, от долгого стояния под дождем и снегом Цыганков сильно простудился, стал кашлять захлеб. Ветер сдувал с лотка средства личной гигиены, а на душе кошки скреблись. Как-то вечером Цыганков подсчитал деньги, вырученные за день, и решил, что несет убытки. Он прикрыл лавочку и твердо решил поучить с Шипилова должок.

За три дня до Нового года Цыганков дежурил на улице перед подъездом Шипилова, пока тот не вылез из подъехавшей иномарки. Цыганков вежливо поздоровался и попросил выдать хотя бы малую часть из причитающейся ему суммы.

«Сам без копейки сию», – Шипилов отрицательно помотал головой. «Пожалуйста, – Цыганков скорчил жалобную рожу и тут же придумал убедительную ложь. – Понимаете, я жениться собрался. Ну, как тут без денег? Мне бы хоть сколько. Чисто подняться». «Я же сказал: нет денег», – усмехнулся Шипилов.

У Цыганкова действительно была девушка Лена. Она родилась в семье, где привыкли перехватывать у знакомых копейки до получки. Отец работал слесарем, а мать водителем трамвая. Ни на хорошее образование, ни на богатого жениха девушка рассчитывать не могла. Днем Лена выписывала путевые листы в трамвайном депо, оканчивала вечернюю школу и три раза в неделю посещала курсы чертежниц. Конечно, она хорошая положительная девушка, а не гулящая шмара. Но что касается женитьбы... Нет, так далеко никогда не заходили даже самые смелые мысли Цыганкова.

«Но как же моя свадьба?» – спросил Цыганков. «Слушай, ты меня достал, – поморщился Шипилов. – Ты вообще тупой или как? Это я что ли тебя жениться заставляю? Я?»

Шипилов сорвался с места, вошел в подъезд и хлопнул дверью. Разговор закончен. Цыганков отправился домой пешком, хоть идти было далеко.

Лучше бы он пошел в другое место.

Дома он застал какую-то новую девку, которую привел отчим. Все женщины, которых таскал домой неразборчивый в половых связях Олег Иванович, были на один манер и, кажется, на одно лицо. Низкосортные размалеванные и неряшливые потаскушки, от которых пахло, как от помойки жарким днем. Даже крепче. И какой смысл так часто менять женщин, если все они одинаковы? Над этим вопросом Цыганков раздумывал в кухне, когда подкреплялся молоком и гречневой кашей.

Было слышно, как в спальне отчим завел музыку и, кажется, собирался заваливаться в постель со своей шлюхой. Цыганков доел кашу, вошел в спальню.

Дама осталась в одних трусах, она курила, сидя в кресле. На отчине не было и трусов.

Цыганков сгреб женские вещи в охапку, вынес их в соседнюю комнату и бросил на пол, затем вернулся. Бабец, кажется, поняла, что Цыганков настроен решительно. Она немного повизжала, затем покрыла матом голого Олега Ивановича, изумленно наблюдавшего за оборзевшим пасынком. Наконец, оделась и ушла.

Отчим быстро пришел в себя, оделся и начал орать, как пожарная сирена. «Какого хера ты из себя корчишь? – брызгал слюной Олег Иванович. – Я тебя устроил на работу, а ты чем отвечаешь?» «Твой друг, твой придурок Шипилов, не заплатил мне за четыре месяца», – ответил Цыганков. «И теперь уже никогда не заплатит, – надрывался отчим. – Я ему скажу. Ты не копейки не получишь, тварь. Вместо денег перо в бочину. Это все, что ты заслужил». «Хорошо. Но больше ты не будешь водить сюда шлюх, – сказал Цыганков. – Мать возвращается через месяц».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.